

АЛИСА
В
ЗАЗЕРКАЛЬИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО Л. Д. ФРЕНКЕЛЬ
МОСКВА — ПЕТРОГРАД 1924

ЛЬЮИС КАРРОЛЛ
LEWIS KARROLL

АЛИСА
В
ЗАЗЕРКАЛЬИ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО В. А. АЗОВА
СТИХИ В ТЕКСТЕ Т. Л. ЩЕПКИНОЙ-КУПЕРНИК
РИСУНКИ ХУДОЖН. ДЖОНА ТЕННИЭЛЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО Л. Д. ФРЕНКЕЛЬ
МОСКВА 1924 ПЕТРОГРАД

ВОЕН. ТИПОГРАФИЯ
ШТАБА Р.-К. К. А.
(Площ. Урицкого, 10).
ПЕТРООБЛИТ № 11150.
ТИРАЖ 3000.
ЗАКАЗ № 575.

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1870 г.
9						2	624/93	4

1029/17-75000

Мое дитя с безоблачным челом,
В твоих глазах—мечта и ожиданье...
Проходит жизнь: мы врозь с тобой живем,
Нам никогда не суждено свиданье.
Но все-ж с улыбкой дар мой примешь ты:
Волшебной сказки легкие мечты.

Не для меня твой серебристый смех,
Твоей улыбки солнечной сиянье,
Не обо мне среди любимых всех
В грядущих днях твое воспоминанье.
Довольно мне, что нынче ловишь ты
Волшебной сказки легкие мечты.

Ту сказку я сложил в былые дни,
Как лепестки цветов ее я бросил.
В июльский вечер на реке в тени
Ее сложил я в лад ударам весел.
Я слышу плеск их... вижу тот закат,
Хоть годы мне давно забыть велят.

Но слушай же!... Пока суровый зов
Последней вести, с горькою тоскою,
Не оторвет от солнца и цветов,
Печальную, тебя—позвав к покою,
Мы—вечно дети: мысль для нас страшна,
Что наконец настанет время сна.

Там, за окном—мороз трещит сильней,
И плачет стон безумной вьюги снежной.
Здесь—в камельке горячий жар углей
И детский мир, уютно безмятежный.
Отдавшись сказке яркой и живой,
Ты не услышишь бури страшный вой.

Пусть легкий вздох в той сказке иногда
И задрожит неуловимо где-то,
О „летних днях, ушедших без следа".
О красоте исчезнувшего лета:
Он не смутит дыханьем темноты
Волшебной сказки легкие мечты.

ГЛАВА I.

Дом в зеркале.

Одно было уж верно: белый котенок был тут не при чем. Это была всецело вина черного котенка. Потому что в течение последней четверти часа белый котенок был занят: старая кошка умывала ему мордочку—и надо сказать, он вел себя при этом довольно хорошо. Так что вы сами видите: белый котенок никак не мог быть замешан в этом преступлении.

Дина мыла своим детям мордочки таким образом: сначала она возьмет бедняжку одной лапой за ухо и придержит ему голову, а другой лапой давай растирать ему все лицо, да еще против шерстки, от носа вверх. Как раз сейчас, как я сказал, она была очень занята с белым котенком. Он лежал смирно и даже пробовал мурлыкать. Конечно, он чувствовал, что все это делается для его же блага.

Но черный котенок кончил свой туалет раньше, и когда Алиса, свернувшись калачиком в большом кресле, наполовину сама с собой разговаривала, наполовину дремала там, — он, черный, затеял большую суету с мотком шерсти, который наматывала Алиса. И он катал его взад и вперед по комнате, пока моток совсем не размотался. И так он и валялся теперь, на

коврике перед камином,—целое море шерсти. А посередине этого разрушения котенок, как ни в чем не бывало, гонялся за собственным хвостом.

— Ах, ты, гадкая, гадкая киска!—воскликнула Алиса, схватив котенка и поцеловав его, чтобы он понял, что она на него сердится.—Право, Дине не мешало бы научить тебя вести себя приличнее. Ты должна это сделать, Дина. Ты сама знаешь, что должна,—прибавила Алиса, с упреком глядя на старую кошку и говоря таким сердитым голосом, какой только она сумела себе сделать.

Потом она опять взобралась на кресло, взяв с собой котенка и моток, и начала опять наматывать шерсть на бумажку. Но дело у нее шло медленно, потому что она все время разговаривала, то с котенком, то сама с собой. Китти же сидела очень солидно у нее на коленях, притворяясь, будто она следит за тем, как идет наматывание клубка. Иногда она даже протягивала лапку и дотрагивалась до клубка, словно она хотела помочь Алисе: жаль только, что не умеет.

— Ты знаешь, что будет завтра, Китти?—начала Алиса.— Ты бы догадалась, если бы сидела со мной на окошке. Только Дина в это время умывала тебя, так ты не могла. Я смотрела на мальчиков, как они таскали хворост для костра. Для костра надо много хвороста, Китти. Только стало так холодно и такой снег пошел, что им пришлось бросить. Ничего, Китти. Завтра мы пойдем и посмотрим костер.

Тут Алиса обернула шерстяную нитку два или три раза вокруг шеи котенка, просто посмотреть, как это ему идет. Это повело к маленькой схватке, во время которой клубок скатился на пол, и опять целые аршины шерсти распустились.

— Ты знаешь, я так рассердилась, Китти,—продолжала Алиса, когда они опять уселись со всеми удобствами в кресле.—Я так рассердилась, когда увидела, что ты наделала. Я чуть было не открыла окно и не бросила тебя в снег. И ты заслуживаешь такого наказания, гадкая, скверная, маленькая душка моя. Ну,

что ты можешь сказать в оправдание? Не перебивай меня. Я перечислю тебе сейчас все твои проступки. Номер первый: ты два раза завизжала, когда Дина тебя мыла сегодня утром. Ты не можешь сказать, что этого не было: я сама слышала. Что ты

там говоришь? Она попала тебе лапой в глаз? Все равно, это твоя вина. Не держи глаза открытыми, когда тебя умывают, так ничего и не будет. Пожалуйста, без всяких объяснений. Я прошу слушать меня. Номер второй: ты схватила Снежка за хвост, как

раз когда я поставила перед ним блюдечко с молоком. Ах, тебе хотелось пить? Ах, подумайте, ей пить захотелось! А почем ты знаешь, что Снежку не хотелось пить? Ну-с, теперь номер три: ты размотала весь клубок, когда я зазевалась. Это три проступка, Китти, а ты до сих пор не наказана еще ни за один из них. Ты знаешь, я собираю все твои наказания на следующую пятницу, через неделю... А что, если бы папа и мама стали собирать так все мои наказания? Что бы они стали делать со мной в конце года? Им пришлось бы послать меня, вероятно, в тюрьму в день расчета. Или... надо сообразить... Если бы каждое наказание было—остаться без обеда? Значит, в этот несчастный день, в конце года, мне пришлось бы остаться сразу без пятидесяти обедов? Ну, что же. Я бы не очень огорчилась. Лучше остаться сразу без пятидесяти обедов, чем сразу съесть их.

— Слышишь, Китти, как снег ударяет в стекла? Как тихо. Как будто кто-то целует окно снаружи. Должно быть, снег любит деревья и поля, если он их целует так нежно. А потом он окутывает их плотно, плотно белым пледом и, может быть, он говорит им: „Ложитесь спать, милые, пока не вернется лето“. А когда они просыпаются летом, Китти, они одеваются во все зеленое и танцуют, когда подует ветер. Ах, это так красиво..—И Алиса опять уронила моток, потому что ей понадобилось всплеснуть на этом месте руками.—И я так хотела бы, чтобы это была правда. Ты видела, какой сонный вид бывает у леса осенью, когда листья становятся коричневыми?

— Китти, ты умеешь играть в шахматы? Ну, не надо смеяться, душечка, я ведь спрашиваю серьезно. Потому что, когда мы недавно играли, ты смотрела, как будто ты понимаешь, а когда я сказала: „Шах“, ты замурлыкала. Это был чудный шах, Китти, и я, право, могла выиграть, если бы не этот противный Конь, который врезался вдруг, откуда ни возьмись, в мои фигуры. Китти, душечка, давай играть, как будто...

Я хотел бы иметь возможность рассказать вам хотя бы половину тех вещей, которые говорила Алиса, когда она начинала

со своей любимой фразы: „давай играть, как будто"... Не далее, как вчера, у нее вышел еще длинный спор с сестрой из-за того, что Алиса сказала: „Давай играть, как будто мы короли и королевы". А ее сестра, которая любит во всем точность, стала доказывать ей, что невозможно им быть королями и королевами, потому что их ведь только двое. Алисе в конце концов пришлось сделать сестре такое предложение: „Так ты будешь одна королева, а я буду все остальные". А раз еще Алиса страх как испугала свою старую няню, закричав ей вдруг прямо в ухо: „Няня, давай играть, как будто я голодная гиена, а ты—кость".

Но это отвлекло нас от речи, которую Алиса держала котенку.

— Давай играть, как будто ты Черная Королева, Китти. Ты знаешь, если бы ты села, как следует, и сложила бы так лапки, ты была бы совсем как Черная Королева. Ну-ка, попробуй, душечка!

И Алиса сняла со стола Черную Королеву и поставила ее перед котенком, как образец для подражания. Однако, из этого дела ничего не вышло. Главным образом,—объяснила Алиса,—потому, что котенок не хотел сложить, как следует, лапки. Чтобы наказать его, Алиса подняла его и приткнула к зеркалу, чтобы он мог видеть, какой он глупый.

— Если ты сейчас же не сделаешься хорошей кошечкой,— прибавила Алиса,—я просуну тебя насквозь—в дом с той стороны зеркала. Как это тебе понравится?

— Теперь, если ты только будешь слушать, Китти, и не слишком много болтать, я расскажу тебе все, что я думаю насчет дома за зеркалом. Во-первых, там есть комната. Ты видишь ее через стекло. Это такая же комната, как наша гостиная, только вещи там стоят иначе. Я вижу ее всю, когда становлюсь на стул— всю, кроме кусочка, который как раз за камином. Ах, я так хотела бы увидеть именно этот кусочек. Мне так хочется знать, зажигают они огонь зимою или нет. Этого никак нельзя узнать, ты понимаешь? Только когда камин у нас начинает дымить и дым поднимается по комнате, видно, что и там топят. Но, может

быть, они это делают нарочно, чтобы только думали, что у них топится. Книги у них почти как наши книги, только слова у них наоборот. Я знаю это потому, что я раз держала так книгу перед зеркалом, и они тогда тоже поднесли так книгу в своей комнате.

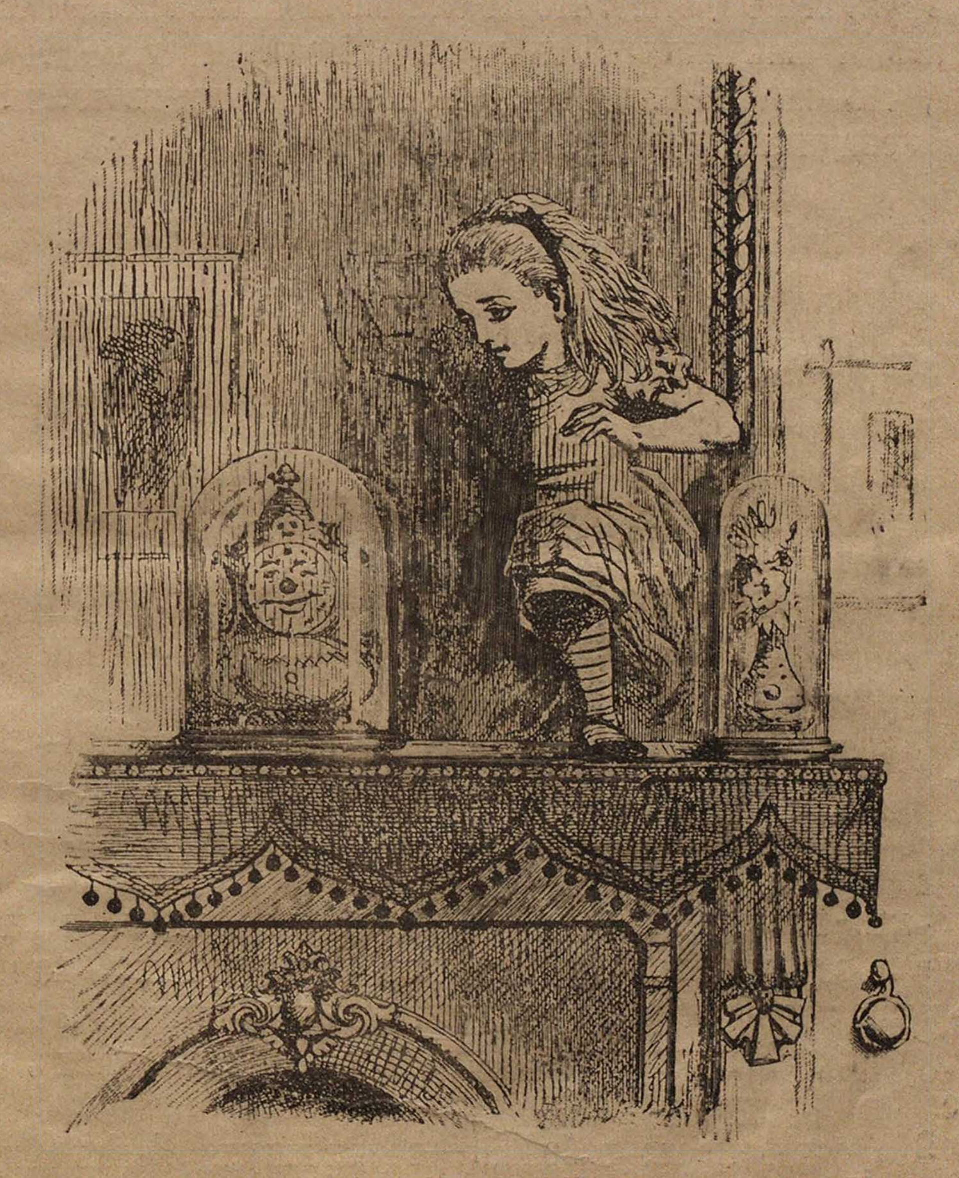
— Ты хотела бы жить в доме за зеркалом, Китти? Вот уж не знаю, давали ли бы они тебе там молоко. Может быть, зеркальное молоко и невкусное. Но слушай, Китти, я тебе сейчас скажу про их коридор. Если широко распахнуть дверь нашей гостиной, можно увидеть коридор в доме за зеркалом. Это совсем как наш коридор, только ведь он не весь виден, и, может быть, дальше он совсем другой. Ах, Китти, как это хорошо было бы, если бы мы могли пройти насквозь в дом за зеркалом. Я уверена, что там должна быть масса красивых вещей. Давай играть, Китти, как будто туда есть какой-нибудь проход, Китти. Давай играть, как будто стекло стало вдруг мягким, как кисея, так что мы можем пройти насквозь. Смотри, оно уже начало превращаться во что-то вроде тумана. Честное слово! Нам будет довольно легко пройти сквозь него.

Алиса очутилась на каминной полке, сама плохо сознавая, как она забралась туда. И действительно, стекло начало плавиться и таять, как блестящий серебряный туман.

Еще через минуту Алиса очутилась по ту сторону зеркала и легко спрыгнула в дом за зеркалом. Первым делом она посмотрела, топится ли там камин, и она испытала большое удовольствие, когда увидела, что он топится, да еще как—полыхая с той же яркостью, как камин, который она оставила позади себя. „Ну, мне здесь будет так же тепло, как в нашей старой комнате“,—подумала Алиса.—„Даже еще теплее, потому что здесь никто не станет прогонять меня от каминной решетки. Вот смешно-то будет, когда сестра увидит меня здесь, за стеклом, а достать-то меня не сможет“.

Затем Алиса начала разглядывать комнату и убедилась, что та часть ее, которая видна была ей из ее старой комнаты, мало

интересная и совсем обыкновенная. Но зато остальная часть ее совсем иная. Так, например, картины на стене, у камина, казались совсем живыми; даже часы на каминной полке (вы ведь знаете, в зеркало видна только их задняя сторона) приобрели физиономию маленького человечка, и этот человечек ухмыльнулся ей.

„У них здесь не так чисто, как у нас“, подумала Алиса, заметив в камине среди пепла несколько пешек. Но через минуту

она опустилась с громким восклицанием на четвереньки перед камином и стала разглядывать их. Пешки разгуливали в камине попарно.

— Вот Черный Король и Черная Королева—сказала Алиса (шопотом, чтобы не спугнуть их),—а вот и Белый Король со своей Королевой сидят на краю лопатки. А вот две туры гуляют под ручку... я не думаю, чтобы они меня слышали...—Алиса придвинулась и наклонила голову к самой решетке.—И я почти уверена, что они не могут видеть меня. Я чувствую, что я вроде как бы невидимка.

Тут кто-то завизжал на столе позади Алисы, и это заставило ее повернуть голову. Она как раз заметила, как одна из белых пешек побежала по столу и начала лягаться. Алиса следила за ней с большим любопытством. Интересно было, что будет дальше.

— Это голос моего ребенка!—воскликнула Белая Королева, и побежала. Пробегая мимо Белого Короля, она толкнула его с такой силой, что он свалился прямо в камин.

— Моя дорогая Лили, моя деревянная кошечка!—кричала Белая Королева.

И она начала быстро взбираться по каминной решетке.

— Чепуха!—сказал Король, потирая себе нос, который он ушиб во время падения. Он был прав, когда рассердился немножко на Королеву. Он был покрыт пеплом с головы до ног.

Алисе захотелось выручить их. Бедная маленькая Лили орала так, что, казалось, с ней вот-вот родимчик сделается. Алиса быстро схватила Королеву и поставила ее на стол рядом с ее шумливой дочуркой.

Королева вздохнула и села: быстрое путешествие по воздуху чуть не вышибло из нее дух, и в течение минуты или двух она была в состоянии только молча сжимать Лили в своих объятиях. Как только она немного оправилась, она крикнула вниз Королю, сидевшему с надутым видом в пепле:

— Берегитесь извержения вулкана.

— Какого вулкана?—сказал Король, и тревожно посмотрел на огонь, как будто он полагал, что вулкан скорее всего может быть там.

— Ме-ня вы-бро-си-ло, — с трудом вымолвила Королева.— Должно быть, это было внезапное извержение какого-нибудь вулкана... Постарайтесь подняться наверх сами—обыкновенным путем—смотрите, чтобы вас не выбросило тоже.

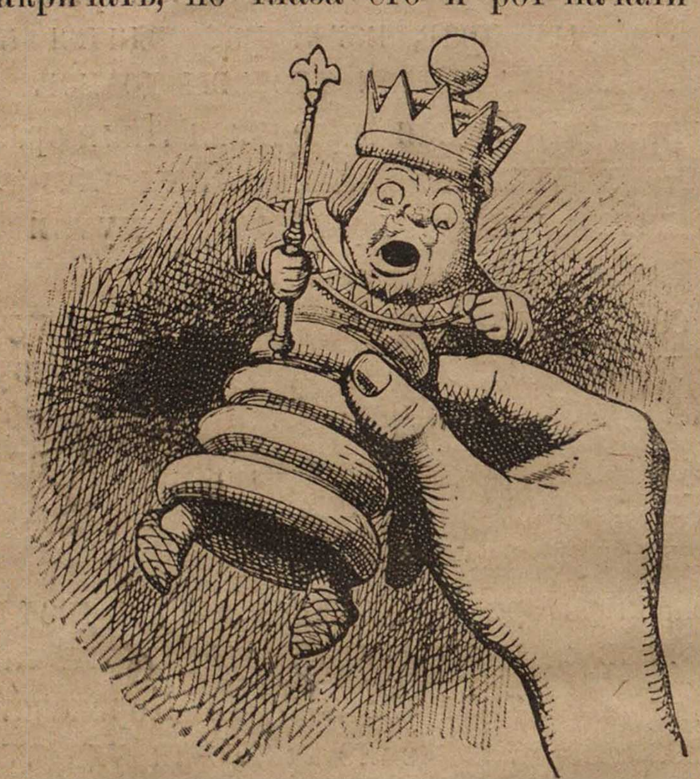
Алиса долго смотрела, как Король медленно стал взбираться по каминной решетке наверх, перебираясь с прута на прут. Наконец, она сказала:

— Ну, так вам понадобятся целые часы, чтобы добраться до стола. Лучше я вам помогу. Правда?

Но Король не обратил никакого внимания на ее предложение. Очевидно было, что он не видит и не слышит ее.

Алиса осторожно взяла его и подняла на стол медленно, медленно, чтобы у него не захватило дыхание, как у Королевы. Но прежде, чем поставить его на стол, она решила почистить его немножко: он был весь в пепле.

Алиса потом рассказывала, что она в жизни еще не видывала такой физиономии, какую скорчил Король, когда невидимая ему рука подняла его на воздух. Он был слишком изумлен, чтобы закричать, но глаза его и рот начали округляться и расширяться так, что у нее от смеха задрожала рука, и она чуть не уронила бедного Короля на пол.

— Миленький, не делайте таких гримас!— закричала Алиса, совершенно забыв, что Король ее не слышит.—Мне так смешно, что я едва удерживаю вас в руке. И не раскрывайте так широко рот: весь пепел попадет вам туда. Ну, вот... теперь вы довольно чистенький.

Она пригладила Королю волосы и поставила его на стол рядом с Королевой.

Король тотчас же повалился плашмя на спину и лежал совершенно неподвижный. Алиса немного испугалась,—что это она тут наделала,—и пошла искать по комнате, не найдется ли гденибудь вода, чтобы попрыскать на него. Но она не могла найти ничего жидкого, кроме банки с чернилами. Когда она вернулась к столу со своей находкой, она увидела, что Король уже пришел в себя, и они разговаривали с Королевой испуганным шопотом. Так тихо, что Алисе трудно было расслышать.

Король сказал:

— Уверяю вас, моя дорогая. Я похолодел до мозга моих костей.

На это Королева возразила:

— У вас вовсе нет мозга.

— Ужас, который я испытал в этот момент, — продолжал Король,—я его никогда, никогда не забуду.

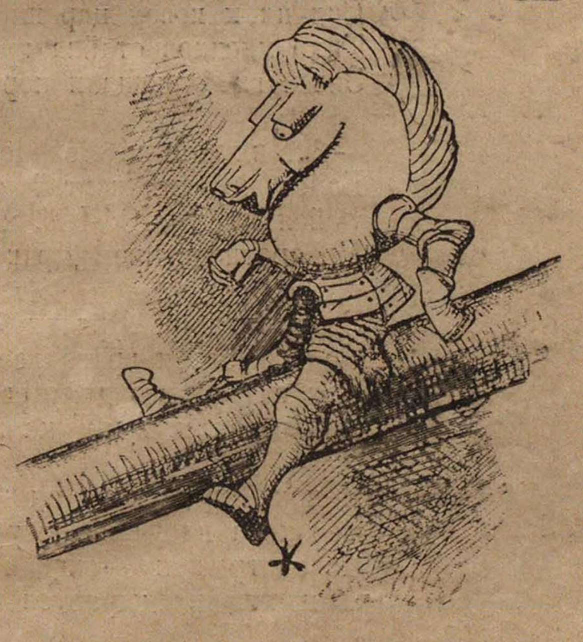
— Наверно забудете,—сказала Королева,—если не запишете его в вашу записную книжку.

Алиса с большим любопытством смотрела, как Король вытащил из кармана огромную записную книжку и начал в ней что-то записывать. Внезапная мысль явилась Алисе. Она ухватила кончик его карандаша, который поднимался над его плечом, и начала писать за него.

Бедный Король сидел озадаченный и смущенный и некоторое время молча боролся с самопишущим карандашом. Но с Алисой ему было не справиться. В конце концов, он вздохнул и сказал:

— Дорогая моя! Мне положительно необходим более тонкий карандаш. Я совершенно не в состоянии управлять этим карандашом. Он пишет какие-то вещи, которые я и не думал писать.

— Какие вещи?—сказала Королева и заглянула в книгу (в которой Алиса написала: *Белый Конь съезжает верхом по кочерге. Он очень плохо держит равновесие*).—Я не вижу, чтобы это была запись об ощущениях, испытанных вами.

Недалеко от Алисы лежала на столе книга. Сидя и наблюдая за Белым Королем (потому что она продолжала еще немножко за него беспокоиться и готова была попрыскать его чернилами, если он опять упадет в обморок), Алиса перевернула несколько страниц.

— Это на каком-то языке, которого я не понимаю,—сказала она себе.

В книге было изображено следующее:

ВЕРЛИОКА.

Было супно. Кругтелся, винтясь по земле,
Склипких козей царапистый рой.
Тихо мисиков стайка грустела во мгле,
Зеленавки хрющали порой.

Она недоумевала некоторое время, но потом светлая мысль осенила ее:

— Ну, да, конечно! ведь это же зеркальная книга! И если я поднесу ее к зеркалу, все слова опять станут на свое место.

Вот поэма, которую прочла Алиса:

ВЕРЛИОКА.

Было супно. Кругтелся, винтясь по земле,
Склипких козей царапистый рой.
Тихо мисиков стайка грустела во мгле,
Зеленавки хрющали порой.

— „Милый сын, Верлиоки беги, как огня,
Бойся хватких когтей и зубов!
Бойся птицы Юб-Юб, и послушай меня:
Неукротно свиреп Драколов.“

Вынул меч он бурлатный тогда из ножен,
Но дождаться врага все не мог:
И в глубейшую думу свою погружен,
Под ветвями Тум-Тума прилег.

И пока предавался он думам своим,
Верлиока вдруг из лесу — шасть!
Из смотрил его — жар, из дышил его — дым,
И, пыхтя, раздыряется пасть.

Раз и два! Раз и два!.. Окровилась трава...
Он пронзил Верлиоку мечем.
Тот лежит не живой... А с его головой
Скоропясь, полетел он скачем!

— „Сын, ты зло погубил, Верлиоку убил!
Обними меня—подвиг свершен.
Мой Блестянчик, хвала!.. Урла-лап! Курла-ла!“..
Зауракал на радости он..

Было супно... Кругтелся, винтясь по земле,
Склипких козей царапистый рой.
Тихо мисиков стайка грустела во мгле,
Зеленавки хрющали порой.

— Это довольно мило,—сказала Алиса, когда она прочла эту поэму,—но ее трудно понять (вы видите, она не хотела сознаться даже себе самой, что она не поняла из нее ни одного словечка).— Она наполняет мне голову мыслями, только я не могу разобрать, в чем дело. Во всяком случае, кто-то здесь кого-то убил. Это-то во всяком случае ясно.

— Но чего же это я расселась?—подумала Алиса, и вскочила.— Если я не буду торопиться, я не успею осмотреть весь этот дом. Мне придется идти назад за зеркало, не увидав остального. Посмотрим сначала, что здесь за сад.

Алиса быстро выбежала из комнаты и побежала вниз по лестнице... собственно не побежала: это было новое такое изобретение, чтобы очутиться сразу внизу лестницы—быстро и удобно. Она только положила руку на перила—и легко слетела вниз, не касаясь ногами ступенек; потом она пролетела так через прихожую и также вылетела бы прямехонько в дверь, если бы она не взялась за косяк. У нее немножко закружилась голова от этого полета и она даже была рада начать опять двигаться обыкновенным образом.

———

ГЛАВА II.

Сад живых цветов.

— Я бы гораздо лучше могла рассмотреть этот сад,—сказала себе Алиса,—еслиб я взобралась на верхушку того вон холмика. А вот и дорожка, которая ведет прямо наверх... Нет, что-то не очень прямо,—добавила Алиса, после того, как дорожка заставила

ее сделать несколько крутых поворотов.—Но, в конце концов, она все равно приведет наверх, я думаю. Но как она смешно извивается! Это пробочник, а не дорожка. Ну, этот поворот, я уверена, ведет наверх... нет, не ведет... Так я попаду прямо назад к дому.. Ну, хорошо, попробуем с другой стороны...

И она повернула. Подпимаясь и опускаясь, поворачивая то вправо, то влево, Алиса все равно возвращалась к дому, хоть убей. Один раз, когда она завернула за какой-то угол быстрее обыкновенного, она наткнулась на дом прежде, чем сумела остановиться. Чуть не ударилась лбом об стену.

— Ничего не добьешься, — сказала Алиса, глядя на дом и играя, как будто он спорит с ней.—Я сейчас не пойду в тебя. Я знаю. Мне придется опять пролезть через зеркало в мою старую комнату—и это будет конец всем моим приключениям!

Алиса решительно повернулась спиною к дому и опять вступила на ту дорожку, дав себе слово не сворачивать ни вправо, ни влево, пока она не доберется до вершины холма. Несколько минут все шло хорошо, и она уже сказала себе: „Теперь я действительно доберусь“,— как вдруг дорожка под ее ногами сразу изогнулась, брыкнула как-то, и через мгновенье Алиса очутилась опять прямо на пороге дома.

— Ах, как это гадко! — воскликнула Алиса.—Я никогда не видела еще дома, который так путался бы под ногами. Никогда!

Холмик был все-таки перед ее глазами. Делать было нечего. Надо было начинать сначала. На этот раз она наткнулась на большую клумбу с бордюром из маргариток и с ивой, которая росла посередине ее.

— О, Тигровая Лилия!—сказала Алиса, обращаясь к цветку, который грациозно покачивался на ветру.—Я хотела бы, чтобы ты могла говорить.

— Мы можем поговорить,—ответила Тигровая Лилия,—если есть что-нибудь путное, о чем стоило бы говорить.

Алиса так удивилась, что целую минуту не в состоянии была

вымолвить ни слова. У нее захватило дыхание. Но, наконец, видя, что Тигровая Лилия продолжает спокойно покачиваться, Алиса начала робким голосом, почти шопотом:

— И все другие цветы умеют говорить?

— Не хуже тебя!—сказала Тигровая Лилия.—И гораздо громче.

— Нам не подобает начать первым, ты понимаешь,—сказала Роза.—И я только ждала, чтобы ты заговорила. Я сказала самой себе: „У нее в лице есть какой-то смысл, хотя оно и не умное". Но у тебя хороший цвет, и этим уж много сказано.

— Меня цвета очень мало беспокоят, — заметила Тигровая Лилия.—Если бы только ее лепестки немножко больше вились, она была бы совсем ничего.

Алисе не понравилось, что ее критикуют, и она начала задавать вопросы.

— А вам не страшно бывает иногда, что вот вас посадили здесь и некому за вами ухаживать?—спросила она.

— Тут в середине стоит дерево,—сказала Роза.—На что же оно, ты думаешь, здесь поставлено?

— А что оно может сделать в случае опасности?—возразила Алиса.

— Оно может залаять,—сказала Роза.

— Оно кричит: ав, ав!—воскликнула Маргаритка.—Зато его и называют авой.

— Ивой,—поправила Тигровая Лилия.

— Она ничего решительно не знает,—закричала другая Маргаритка, и тут они заговорили все вместе, да так громко, что воздух прямо наполнился шумом их писклывых голосов.

— Замолчите вы все там!—закричала Тигровая Лилия, страстно раскачиваясь из стороны в сторону и дрожа от возбуждения.—Они знают, что я не могу дотянуться до них,—вздохнула она, наклонив свою трясущуюся головку к Алисе.—А то они бы не посмели.

— Ничего!—сказала успокоительным тоном Алиса и, нагнувшись к маргариткам, которые начали было галдеть опять, она шепнула:

— Если вы не будете держать язык за зубами, я сорву вас.

Тотчас же наступила тишина и некоторые розовые маргаритки превратились от страха в белые.

— Вот это правильно,— сказала Тигровая Лилия.— Эти маргаритки самые несносные. Когда кто-нибудь заговорит, они вступают вместе, всем хором. Завянуть можно от этого гвалта ихнего.

— Как это случилось, что вы все умеете так мило разговаривать? — сказала Алиса, надеясь комплиментом исправить настроение Тигровой Лилии.—Я бывала раньше во многих садах, но ни в одном из них цветы не умели говорить.

— Положи руку на землю и попробуй ее,— сказала Тигровая Лилия.—Тогда ты поймешь, как это случилось.

Алиса пощупала землю.

— Она очень твердая, эта земля,—сказала она,—но я не понимаю, что тут может быть общего...

— В большинстве садов,—сказала Тигровая Лилия,— садовники стелют землю черезчур мягко, и цветы поэтому засыпают.

Это было резонно, и Алиса была очень довольна, что ей объяснили.

— Я раньше никогда об этом не думала,—сказала она.

— Я полагаю, что ты вообще никогда ни о чем не думаешь,— строгим тоном сказала Роза.

— Я отродясь не видала более глупой физиономии,—сказала Фиалка, и так вдруг как-то, что Алиса даже подскочила. До сих пор Фиалка все время молчала.

— Держите язык за зубами,—закричала Тигровая Лилия,— как будто вы когда-нибудь что-нибудь видели! Вы держите голову под листьями и храпите там. Вы не больше знаете о том, что делается на свете, чем какая-нибудь почка!

— В этом саду есть еще кто-нибудь кроме меня?—спросила Алиса, решив пропустить мимо ушей последнее замечание Розы.

— Тут есть еще в саду другой цветок, который умеет двигаться так же, как ты,—сказала Роза.—Не понимаю, как вы это делаете („Вы никогда ничего не понимаете",—вставила Тигровая Лилия). Но тот цветок более кустист, чем ты.

— Он похож на меня?—живо спросила Алиса. („Наверное тут в саду есть еще девочка“, подумала она).

— Да, она такая же нескладная, как ты,—ответила Роза.— Но она краснее, и ее лепестки будут, думается мне, покороче твоих.

— Ее лепестки тесно прижаты один к другому, почти как у далии,—прервала Тигровая Лилия.—Не натыканы кое-как, как у тебя.

— Но это не твоя вина,—снисходительно прибавила Роза.— Ты начинаешь увядать, знаешь, и уж когда это увядание начинается, никак невозможно поддерживать свои лепестки в порядке.

Алисе эта мысль совершенно не понравилась. Чтобы переменить предмет разговора, она спросила:

— А она когда-нибудь приходит сюда?

— Вероятно, ты скоро ее увидишь,—сказала Роза,—она из породы колючих.

— Где же у нее эти колючки?—с любопытством спросила Алиса.

— Как где? На голове, конечно.—ответила Роза.—Я собственно не понимаю, почему у тебя их нет. Я думала, это общее правило.

— Вот она идет!—воскликнула Живокость.—Я слышу, как она идет—туп-туп!—по песку.

Алиса оглянулась и увидела, что это идет Черная Королева. „Она порядочно выросла“, прежде всего бросилось Алисе в глаза. И в самом деле: когда Алиса впервые увидела ее—в пепле—она была ростом только в три дюйма,—а теперь она была на полголовы выше самой Алисы.

— Это от свежего воздуха,—сказала Роза.—Здесь прямо чудный воздух.

— Пожалуй, я пойду ей навстречу,—сказала Алиса. Беседа с цветами была довольно интересной, но еще более лестно было поговорить с деревянной Королевой.

— Тебе это не удастся,—сказала Роза.—Я посоветовала бы тебе пойти другой дорогой.

Это показалось Алисе бессмыслицей. Поэтому она, ничего не ответив, двинулась навстречу Королеве. Но, к удивлению, она сразу потеряла ее из виду и очутилась сама опять перед дверью дома.

Немножко раздосадованная, она отступила назад и начала разыскивать Королеву глазами; наконец, она увидела ее, но вдалеке; Алиса подумала, не удастся ли ей приблизиться к Королеве, если она пойдет в противоположную от нее сторону.

Это удалось блестяще. Она не пробыла в дороге и минуты, как столкнулась лицом к лицу с Черной Королевой. Кроме того, перед ней открылся весь, как на ладони, холмик, к которому она так стремилась и на который никак не могла попасть.

— Откуда ты?— спросила Черная Королева.—И куда ты? Смотри на меня, отвечай вежливо и не крути все время пальцами.

Алиса по мере сил исполнила эти приказания и объяснила Королеве, что она сбилась со своей дороги.

— Я не знаю, какая это такая *твоя* дорога,—сказала Королева.— Все дороги здесь *мои* дороги. Но зачем ты вообще сюда явилась?—прибавила она более мягко.—Делай реверанс, пока ты обдумываешь ответ. От этого время бежит не так быстро.

Алиса была немного удивлена, но она слишком была полна страха перед шахматной Королевой, чтобы не доверять ей.

„Я попробую это дома“,—подумала она про себя.—„В первый же раз, когда я увижу, что опаздываю к обеду“.

— Пора уже ответить,—сказала Королева, посмотрев на часы.— Открывай рот пошире, когда ты говоришь.

— Я только хотела посмотреть сад...

— Это хорошо,—сказала Королева и погладила ее по голове (чего Алиса терпеть не могла, кстати).—Хотя, что касается садов, так я видала сады, перед которыми этот сад—простой огород.

Алиса не посмела спорить и продолжала:

— И я подумала, попробую-ка я найти дорогу на вершину этого холма.

— Что касается холмов,—сказала Королева,—я могла бы показать тебе холмы, в сравнении с которыми этот холм—долина.

— Этого не может быть,—сказала Алиса. В удивлении своем она забыла, что решила не противоречить.—Холм никак не может быть долиной. Это была бы чепуха, вы понимаете..

Черная Королева покачала головой.

— Ты можешь называть это „чепухой“, если хочешь,—сказала она,—но я слыхала чепуху, в сравнении с которой в этой чепухе больше смысла, чем в любом самом лучшем словаре.

Алиса опять начала делать реверансы: ей показалось, что Королева немножко обиделась. И они дошли до вершины холмика в молчании.

Несколько минут Алиса стояла, не говоря ни слова, обозревая расстилавшуюся у ее ног страну. Это была забавная страна. Здесь было много чистых маленьких ручейков, пересекавших всю местность по прямым линиям от края до края, а между ручейками тянулись поперек невысокие зеленые живые изгороди, и вся эта страна, таким образом, была разделена на квадратики.

— Это совсем, как большая шахматная доска!—сказала, наконец, Алиса.—Тут должны быть где-нибудь двигающиеся по ней

фигуры. Да вот они!—добавила она в восторге, и сердце ее забилось от возбуждения:—Здесь разыгрывается большая партия в шахматы—огромная партия на всем свете, если только это свет. Ах, как это смешно! Я бы ужасно хотела быть одной из фигур. Я бы даже ничего не имела против того, чтобы быть простой пешкой—лишь бы я тоже могла играть... хотя, конечно, я предпочла бы быть Королевой.

Алиса робко посмотрела на деревянную Королеву, стоявшую рядом с ней, но та только мило улыбнулась и сказала:

— Это легко устроить. Ты можешь быть пешкой Белой Королевы, если хочешь, потому что Лили еще слишком мала, чтобы играть. И для начала ты должна стоять во Втором Ряду. Когда ты дойдешь до Восьмого Ряда, ты станешь Королевой...

Как раз в эту минуту—как уж это случилось?—они побежали.

Алиса потом никак не могла сообразить или вспомнить, как это собственно вышло. Единственное, что она запомнила - это, что бежали они, взявшись за руки, и что Королева бежала так быстро, что она едва-едва в состоянии была не отставать. А Королева все кричала еще:

— Живей, живей!

Но Алиса чувствовала, что живей она не может — прямо не хватает дыхания.

Забавнее всего было, что деревья и все вообще предметы кругом совсем не меняли своих мест. С какой бы быстротой они ни бежали, они ни разу не пробежали ни мимо чего. „Неужели же все вещи двигаются вместе с нами?“—подумала бедная, озадаченная этим Алиса. И Королева словно угадала ее мысль.

— Живей! - закричала она,—не говори ничего!

У Алисы, впрочем, и в мыслях не было заговорить. Ей казалось, что она и вообще-то никогда в жизни больше не заговорит: так у нее захватило дыхание! А Королева только и знала, что кричать: „Живей, живей“, и волокла Алису за собой.

— Далеко еще? — кое-как выдавила из себя под конец Алиса.

— Далеко ли?—повторила Королева.—Какое далеко, когда мы уж десять минут, как бежим дальше! Живей!

И они еще некоторое время бежали молча. Ветер свистел в ушах у Алисы и собирался, казалось ей, совсем сдуть волосы с ее головы.

— Ну! Да ну!—кричала Королева.—Живей, живей!

И они понеслись так быстро, что под конец как бы скользили по воздуху, едва касаясь ногами земли. Вдруг, как раз в тот момент, когда Алиса почувствовала, что она совершенно выбилась из сил, они остановились. И Алиса осознала себя сидящей на земле. Голова у нее кружилась, и ей нечем было дышать.

Королева прислонила ее к дереву и сказала мягко:

— Теперь можешь чуточку отдохнуть.

Алиса озиралась с большим удивлением.

— Что такое?—воскликнула, наконец, она.—Мне кажется, мы были все время под этим деревом? Ничего не изменилось кругом!

— Конечно, не изменилось,—сказала Королева.—Что должно было измениться?

— В *нашей* стране,—сказала Алиса, все еще задыхаясь,—если вы куда-нибудь бежите, да еще так быстро и так долго, как мы бежали, вы куда-нибудь да прибежите.

— Медленная страна,—сказала Королева.—Здесь ты должна бежать, что есть мочи, чтобы только остаться на месте. Если ты хочешь куда-нибудь передвинуться, ты должна бежать по крайней мере вдвое быстрее, чем мы бежали.

— Лучше, пожалуйста, не надо,—сказала Алиса.—Мне очень нравится оставаться здесь. Только мне так жарко, и так пить хочется.

— Я знаю, чего бы ты хотела,—добродушно сказала Королева, и вынула из кармана коробочку.—Хочешь сухарь?

Алиса решила, что было бы невежливо сказать: „Нет", хотя ей вовсе не сухаря хотелось, а пить. Она взяла сухарь и кое-как съела его: он был такой сухой. И она подумала: „Как жаль, что сухари делают такими сухими".

— Пока ты подкрепляешься,—сказала Королева,—я сниму мерку.

И она достала из кармана ленту, на которой помечены были дюймы, и начала мерить землю, втыкая то там, то здесь маленькие колышки.

— Через два шага,—сказала она, воткнув колышек, чтобы обозначить эту дистанцию,—я укажу тебе твою дорогу. Еще сухарь?

— Нет, благодарю вас,—сказала Алиса.—Одного совершенно довольно.

— Жажду, наверно, утолила?—сказала Королева.

Алиса не знала, что ей на это ответить, но, к счастью, Королева, не дожидаясь ее ответа, продолжала:

— Через три шага я повторю тебе эти указания, чтобы ты не забыла их. Через четыре шага, я скажу тебе: „До свидания". А через пять—я уйду.

В это время она воткнула уже все колышки, и Алиса с большим интересом смотрела, как Королева сначала вернулась под дерево и потом медленно выступила вдоль колышков.

У колышка, отмечавшего два шага, она повернулась направо кругом и сказала:

— Ты знаешь, пешка, начиная игру, делает два хода. Так ты быстро переберешься через Третий Ряд,—в вагоне железной дороги, я думаю,—и не успеешь оглянуться, как очутишься в Четвертом Ряду. Этот Ряд принадлежит Твиддуму и Твидди, Пятый—почти весь под водой, Шестой Ряд принадлежит Ваньке-Встаньке. Но ты ничего не говоришь?

— Я... я не знала, что я должна сказать что-нибудь,—произнесла, запинаясь, Алиса.

— Ты должна была сказать, — промолвила королева тоном серьезного упрека:—„С вашей стороны очень любезно было разъяснить мне все это"... Ну, ладно, предположим, что ты это сказала... Седьмой Ряд весь покрыт лесом—впрочем, один из Коней покажет тебе дорогу, а в Восьмом Ряду мы обе будем Королевами и там будут одни пиры и забавы.

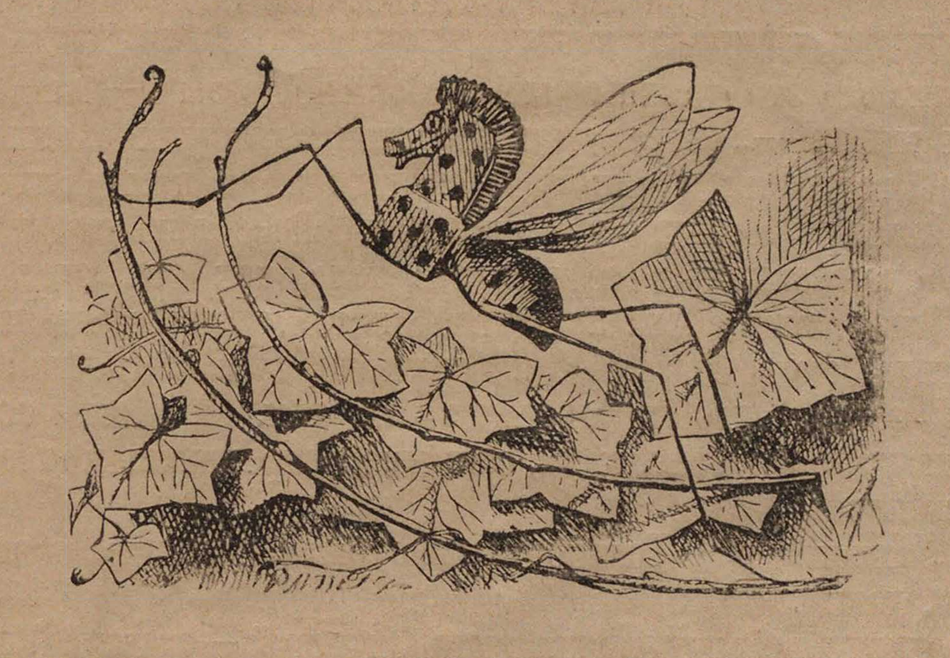
Алиса встала, сделала книксен и села опять.

У следующего колышка Королева повернулась опять и сказала:

— Говори по-французски, если ты не найдешь английского названия для какой-нибудь вещи, выворачивай ноги на ходу и помни, кто ты.

Королева не стала теперь дожидаться, чтобы Алиса сделала ей книксен, но быстро перешла к следующему колышку, повернулась на секунду, чтобы сказать: „До свиданья!" и спешно бросилась к последнему.

Как это случилось, Алиса не могла постигнуть, но как только Королева поравнялась с последним колышком, она исчезла. Поднялась ли она на воздух или быстро скрылась в лесу (а бегать она умела!)—ничего нельзя было понять. Но она исчезла во всяком случае. И Алиса вспомнила, что она теперь Пешка и что скоро ей придется выступить.

ГЛАВА III.

Насекомые в Зазеркальи.

Конечно, первым делом надо было тщательно осмотреть страну, через которую ей придется пройти насквозь.

„Это очень похоже, как будто учишь географию",—подумала Алиса, поднявшись на цыпочки, чтобы увеличить свой кругозор. „Главные реки... их тут нет. Главные горы... я стою на единственной главной горе здесь, но вряд ли у нее есть название. Главные города .... В чем дело? что это за существа, собирающие там мед из цветов? Это не могут быть пчелы. Разве кто-нибудь мог когда-нибудь разглядеть пчел на расстоянии целой мили?"

И Алиса некоторое время стояла молча, следя за одним из этих существ, хлопотавшим между цветами и вонзавшим в их чашечки свое жало.

„Как будто настоящая пчела",—подумала Алиса.

Однако, это было все, что вам угодно, но только не пчела. Это был слон, как скоро убедилась в этом Алиса, хотя эта мысль сначала испугала ее до полусмерти.

„Какие же это должны быть огромные цветы“,—была ее следующая мысль.—„Вроде домов, вероятно, с которых сняты крыши и внутрь воткнуты тычинки. И сколько же в них должно быть меду!. Пожалуй, я спущусь туда... Нет, сейчас я не пойду,“—продолжала она, остановив себя, после того, как она сделала уже первый шаг вниз. Алиса искала, чем бы оправдать внезапно овладевшую ею робость. „Я не спущусь вниз, пока не запасусь хорошей веткой, чтобы разогнать их там. Вот смешно будет, если они меня спросят, дома, как мне понравилась моя прогулка. Я им скажу:

— „Ничего себе. Только пыльно было и жарко, и эти слоны так надоедали“.

— Лучше я спущусь вниз другой дорогой,—сказала Алиса, подумав.—Может быть, я посмотрю на слонов в другой раз. Кроме того мне так хочется попасть поскорее в Третий Ряд.

Создав себе это оправдание, она побежала вниз по склону холма и перепрыгнула через первый из шести маленьких ручейков.

— Ваши билеты!—сказал Кондуктор, всунув голову в окошко вагона. И через минуту у всех в руках очутилось по билету. Билеты были почти такой же величины, как пассажиры, и, казалось, они наполнили вагон.

— Ну-с, покажите ваш билет, дитя,—продолжал Кондуктор, глядя на Алису сердитыми глазами. И много голосов сразу сказали хором („Словно припев к песне“, подумала Алиса):

— Не задерживайте его, девочка. Его время стоит тысячу фунтов минута.

— К сожалению, у меня нет билета,—испуганно сказала Алиса.—Там не было кассы, откуда я пришла.

И опять раздался хор пассажиров:

— Там нет места для билетной кассы, откуда она пришла. Там земля стоит тысячу фунтов дюйм.

— Не оправдывайтесь,—сказал Кондуктор.—Вы должны были купить билет у машиниста.

И опять раздался хор:

— Машинист! Ха! Один дым стоит тысячу фунтов клуб.

Алиса подумала про себя: „Говорить, видно, тут бесполезно“. Голоса не раздались теперь, потому что она ничего не сказала, но, к великому ее удивлению, все пассажиры подумали хором (Я полагаю, что вы понимаете, что значит думать хором? Я лично, признаться, не понимаю):

— Лучше не говори ничего. Разговор стоит тысячу фунтов слово.

„Мне всю ночь будет сниться эта тысяча фунтов“,—подумала Алиса.

Все это время Кондуктор смотрел на нее сначала в телескоп, потом в микроскоп и, наконец, в бинокль. Потом он сказал: „Вы не туда сели“, опустил окно и удалился.

— Такая маленькая девочка,—сказал джентльмен, сидевший против нее (он был одет в белую писчую бумагу),—должна знать, куда она едет, даже если она не знает, как ее зовут.

Козел, который сидел рядом с господином в белом, закрыл глаза и сказал громким голосом:

— Она должна знать, где билетная касса, даже если она не знает азбуки.

Рядом с Козлом сидел Жук (это была в общем довольно странная компания пассажиров). Жук вступил, соблюдая повидимому установленную очередь для замечаний, и сказал:

— Ее надо убрать отсюда в багажный вагон.

Алиса не могла разглядеть, кто сидел за Жуком, но некто хриплый произнес:

— Перемените паровоз,—

запнулся, начал икать и вышел из вагона, шлепая калошами.

„Похоже, что это была лошадь,“—подумала Алиса про себя, и необыкновенно тоненький голос у ее уха пропищал: „Не оттого ли лошадь, что она в калошах?“

Потом приятный чей-то голос произнес из-за угла:

— На нее надо наклеить ярлык: „Осторожно! крюками не трогать“.

И все время раздавались один за другим голоса („Сколько же тут набито народу в вагоне“, подумала Алиса): „Ясно, как мармелад: ее надо отослать по почте“...—„По телеграфу послать ее надо...“—„Она сама должна тащить поезд“... И много еще разных замечаний.

Но джентльмен в белой писчей бумаге наклонился к Алисе и шепнул ей на ушко:

— Не обращай, детка, внимания на то, что они говорят, но каждый раз, как поезд остановится, бери обратный билет.

— И не подумаю,—сказала Алиса с некоторым раздражением.—Я вовсе не собираюсь путешествовать по железной дороге. Я была все время в лесу сейчас—и очень хотела бы туда вернуться.

— А ты не знаешь, что на всякое хотенье есть терпенье?—пропищал тоненький голосок над ухом Алисы.

— Не дразните меня, пожалуйста,—сказала Алиса, тщетно стараясь понять, откуда исходит этот голос.—Если вам так хочется острить, острите на свой счет.

Тоненький голосок глубоко вздохнул. Он был, очевидно, очень несчастен, и Алисе захотелось сказать ему что-нибудь утешительное. „Если бы хоть он вздыхал по-людски“, подумала она. Но это был такой удивительно маленький вздох, что она совсем бы его наверно и не услышала, не раздайся он у самого ее уха. Последствием этого было то, что голосок продолжал щекотать ей ухо.

— Я знаю, что ты мой друг,—продолжал голосок,—дорогой друг, старый друг. И ты не обидишь меня, хотя я только насекомое.

— Какое именно насекомое?—не без тревоги осведомилась Алиса. Она, собственно, хотела знать, есть у него жало или нет, но она решила, что прямо задать этот вопрос было бы неприлично.

— Так ты не любишь всех...—начал голосок и утонул в резком свистке паровоза. Все вскочили, как по тревоге, и со всеми Алиса.

Лошадь, которая высунула голову в окно, втянула ее обратно в вагон и спокойно сказала: „Пустяки... Надо только перескочить через ручеек". Все, повидимому, успокоились, выслушав это заявление, и только Алиса почувствовала себя не очень уютно при мысли о поезде, перепрыгивающем через ручей. „Во всяком случае, мы очутимся в Четвертом Ряду. Это некоторое утешение,"— подумала она. Через секунду она почувствовала, как вагон дыбом поднялся на воздух, и в страхе она схватилась за ближайший к ней предмет. Это была борода Козла.

Но борода эта словно растаяла, когда Алиса ухватилась за нее, и Алиса осознала себя спокойно сидящей под деревом, в то время как Комар (потому что насекомое, с которым она разговаривала в вагоне, был комар) раскачивался на ветке, как раз над ее головой, и обмахивал ее, как веером, своими крыльями.

Это был, конечно, очень большой Комар („С цыпленка", подумала Алиса). Все-таки она не боялась уже его, после того как они так мило разговаривали в вагоне.

— Так ты не любишь всех насекомых?—спросил Комар таким спокойным тоном, словно ничего не случилось.

— Я люблю их, когда они умеют говорить,—сказала Алиса.— В моей стране ни одно из них не говорит.

— А какие насекомые радуют тебя там, в твоей стране?— осведомился Комар.

— Насекомые меня совсем не радуют—объяснила Алиса.— Потому что я их боюсь: в особенности, больших насекомых. Но я могу назвать вам некоторых насекомых.

— Они, конечно, откликаются у вас, когда их называют по имени?—мельком заметил Комар.

— Я никогда этого не видела.

— Так на что им имена тогда, если они не откликаются?

— Им, может быть, и ни на что,—ответила Алиса.—Но эти имена нужны тем, которые их этими именами обозначили. Я так думаю. Почему вообще всем вещам дали названия?

— Не могу объяснить,—сказал Комар.—Дальше, там, в лесу, у них нет никаких имен. Попробуй отправиться в лес с твоим списком и сделать им перекличку. Потеряешь даром время.

— Есть, например, Конская Муха,—начала Алиса и загнула один палец.

— Совершенно верно,—сказал Комар.—Вон там в кустах можешь увидеть Конскую Муху-качалку. Она вся деревянная и перекачивается с ветки на ветку на круглых полозьях.

— А чем она питается?—спросила с любопытством Алиса.

— Заболонью и опилками,—сказал Комар.—Ну-ка, вали дальше перекличку!

Алиса с большим интересом посмотрела на Конскую Муху-качалку и решила в душе, что ее, верно, совсем недавно выкрасили: такая она была блестящая и липкая. Потом она продолжала:

— Еще есть Драконова Муха.

— Посмотри на ветке над твоей головой,—сказал Комар—и ты увидишь Драконову Муху. Ее тело сделано из плум-пудинга, крылья из листьев мальвы, а голова из пьяной вишни.

— А она чем питается?—спросила Алиса, как раньше.

— Кашей и пирожками с мясом,—ответил Комар.—И она свивает себе гнездо в ящике с рождественскими подарками.

— Еще есть Бабочка,—продолжала Алиса, наглядевшись на насекомое с пьяной головой.

— Ползает сейчас у твоих ног,—сказал Комар (Алиса быстро поджала под себя ноги).—Это сдобная бабка. Ее крылышки из жженого сахара, тело из куличного теста, а голова—марципановая.

— А чем она питается?

— Слабым чаем со сливками.

Новое затруднение представилось Алисе:

— А если она не достанет чаю?

— Ну, тогда помрет, ясное дело.

— Так это ведь должно случаться очень часто?

— Вечно случается,—сказал Комар.

Алиса молчала несколько минут в раздумьи. Комар тем временем развлекался, летая и жужжа над ее головой. Наконец, он опять уселся и заметил:

— Ты, вероятно, не хотела бы потерять свое имя?

— Конечно, нет,—сказала Алиса с тревогой.

— А я так не знаю,—продолжал беззаботно Комар.—Ты представь себе, разве худо было бы, если бы ты вернулась домой безымянная? Например, гувернантка твоя. Ну, ей нужно позвать тебя, чтобы ты шла на урок. Она начинает кричать: „Поди сюда"…. и осеклась. Потому что имени-то у тебя и нет, и никак тебя позвать невозможно, и хоть она до вечера кричи: „поди сюда", да „поди сюда"—ты спокойно не идешь.

— Из этого бы ничего не вышло,—ответила Алиса.—Моя гувернантка и не подумала бы избавить меня из-за того, что у меня нет имени, хоть от одного урока. Если бы она не могла вспомнить, как меня зовут, она позвала бы меня: „Мисс!"

— Ну, если бы она сказала просто: „мисс!", ты могла бы ей ответить просто: „брысь!" Это было бы почти в рифму. У меня бывают иногда очень остроумные рифмы. Я был бы рад, если бы эту рифму ты сама придумала.

— Почему это вы хотели бы?—возразила Алиса.—Это очень плохая рифма.

Но Комар только вздохнул тяжело, и две крупные слезы покатились по его щекам.

— Вы не должны острить и сочинять стихи,—сказала Алиса,— если это доставляет вам только огорчение.

Тут раздался опять этот меланхолический тихий вздох, и на этот раз бедный Комар словно испустил в этом вздохе последнее свое дыхание. По крайней мере, когда Алиса подняла глаза, на ветке не было никого. Ей стало кстати и холодно сидеть так долго на одном месте. Она встала и пошла. Скоро она очутилась в открытом поле, по ту сторону которого начинался лес. Этот лес казался гораздо более мрачным, чем тот, в котором она недавно была, и Алисе немножко жутко было вступить в него.

Впрочем, подумав, она решила войти в лес. „Ведь не идти же мне назад“,— сказала она себе. А это ведь была единственная дорога к Восьмому Ряду.

„Вероятно, это и есть тот лес“,— подумала Алиса,—„в котором вещи не имеют названий. Что-то будет с моим именем, когда я вступлю в этот лес? Я вовсе не хочу потерять мое имя. Что тут хорошего? Папа и мама принуждены будут дать мне другое имя, только и всего. И наверно это будет какое-нибудь некрасивое имя. Вот было бы смешно! Как я стала бы искать ту, которая нашла мое старое имя? Мне пришлось бы, пожалуй, публиковать в газетах, как люди, которые потеряли собаку: „Откликается на кличку „Нептун“, имеет медный ошейник“. Или пришлось бы кричать всем встречным девочкам: „Алиса!“— пока которая-нибудь не откликнулась бы. А если она не глупая, так все равно она не отзовется“.

Так Алиса дошла до леса. Он казался очень прохладным и тенистым. „Ничего“,— сказала себе Алиса,—„после такой жары вовсе не худо очутиться в этом... перенестись в этот... во что?“—Алиса была очень удивлена, но она никак не могла найти слово. „Я хочу сказать, что после жары очень приятно побыть в... очутиться под... ну, под этими, ну, как их“,—сказала она, положив руку на ствол дерева.—„Как оно называется, вот это?.. Кажется, у него нет названия... Ну, конечно, нет“...

Она постояла с минуту, размышляя. Потом вдруг начала опять.

„Так это действительно произошло... Так кто же я теперь? Кто я? Я хочу вспомнить! Я должна вспомнить“. Но хотя она и должна была вспомнить, долг долгом так и остался. Все, что она могла сказать себе после долгого раздумья, было:

„Я... я знаю... я начинаюсь на А“.

В эту минуту показалась между деревьями Козуля. Она посмотрела на Алису своими большими, кроткими глазами и, повидимому, ничуть не испугалась.

— Сюда, поди сюда! — закричала Алиса, и протянула руку, чтобы погладить Козулю. Она отступила немножко и остановилась опять, продолжая смотреть на нее.

— Как тебя зовут? — сказала Козуля. У нее был такой мягкий, симпатичный голос.

„Я сама хотела бы знать", — подумала бедная Алиса. И она ответила печально:

— Никак сейчас.

— Ты подумай еще, — сказала Козуля. — Этак не годится.

Алиса начала думать, но из этого ничего не вышло.

— Пожалуйста, — сказала она робко, — может быть, ты скажешь мне, как тебя зовут. Я думаю, это мне поможет вспомнить мое имя.

— Я тебе скажу, — ответила Козуля, — если ты пройдешь немножко глубже в лес. Здесь я не могу вспомнить.

Алиса нежно охватила своими руками мягкую шею Козули, и они направились вместе в глубь леса. Так они прошли его насквозь и вышли на другое открытое поле. Тут Козуля вдруг высоко подпрыгнула и освободилась от Алисиных объятий.

— Я Козуля! — закричала она восторженно. — А ты, а ты, боже мой, ты человеческое дитя.

Вдруг тревога показалась в ее прекрасных глазах, и через секунду она сделала большой скачек и понеслась прочь от Алисы во всю прыть.

Алиса смотрела ей вслед и чуть не плакала от огорченья. Ей так неприятно было лишиться вдруг этого милого спутника. „Зато я знаю теперь, как меня зовут“, — сказала она себе. — „Это некоторое утешение. Алиса, Алиса. Теперь уж я не забуду. А теперь я должна решить, куда мне идти“.

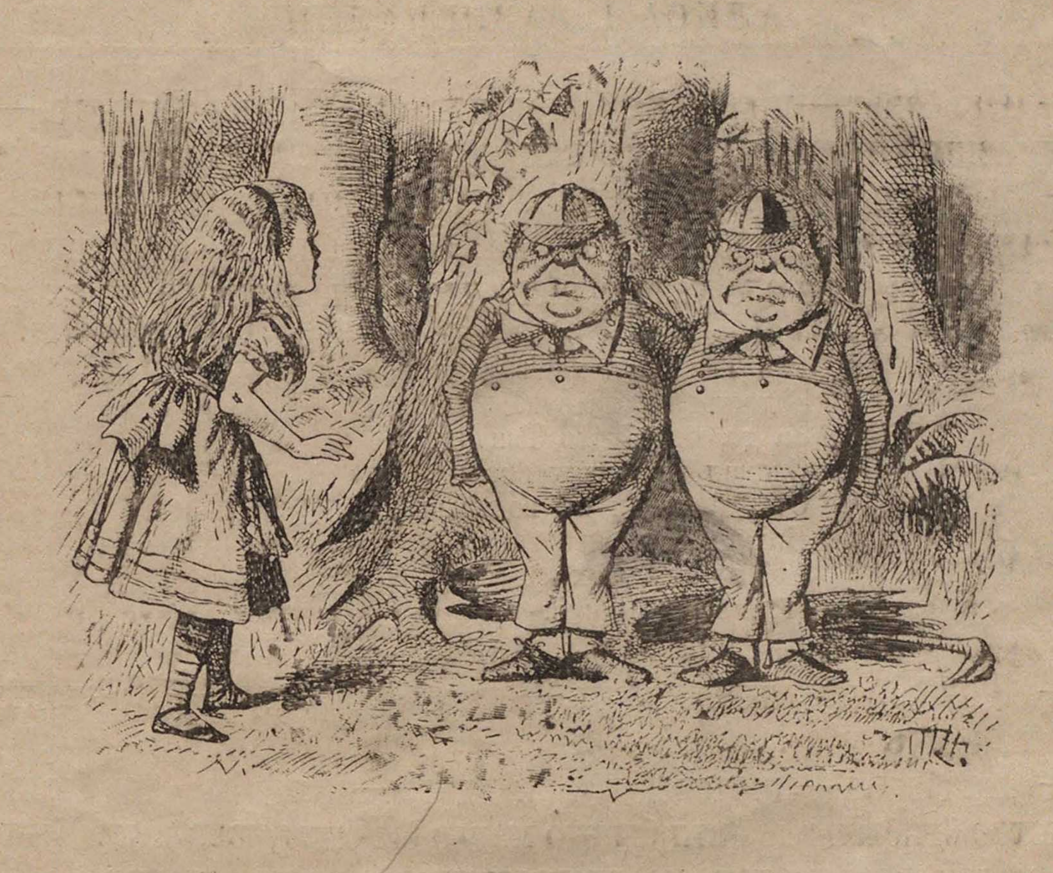
Это был вопрос не трудный, потому что перед Алисой была одна дорога через новый лес и два столба с руками: оба указывали на эту дорогу.

— Ясно! — сказала себе Алиса. — Я пойду по этой дороге до того места, где она разветвляется, и руки будут указывать различные направления.

Но этого ни разу не случилось. Алиса долго шла по дороге и доходила до разветвлений несколько раз. И каждый раз она видела столбы с руками, вытянутыми в одном и том же направлении. На одной руке было написано: В усадьбу Твидлдума, а на другой: В усадьбу Твидлди.

— Повидимому, — сказала себе наконец Алиса, — эти господа живут в одной и той же усадьбе. Как это мне раньше не пришло в голову? Ну, я у них долго не останусь. Скажу им: „Как поживаете?“ и попрошу их указать мне выход из леса. Мне бы только добраться до Восьмого Ряда засветло.

И она двинулась вперед и шла, разговаривая сама с собой, пока не наткнулась за крутым поворотом дороги на двух маленьких толстых человечков. Они возникли перед ней так неожиданно, что она невольно отшатнулась. Но она тотчас же оправилась, потому что она была совершенно уверена, что эти толстячки и есть —

ГЛАВА IV.

Твиддлдум и Твиддли.

Они стояли под деревом рядышком, обнявшись, и Алиса сразу же поняла, который из них был Твиддлдум и который Твиддли, потому что у одного на воротнике вышито было: „ДУМ“, а у другого: „ДИ“.

„Наверно „ТВИДЛ“ вышито у каждого из них на задней стороне воротника“—подумала Алиса.

Они стояли так тихо, как не живые. Алиса хотела обойти кругом, чтобы посмотреть, действительно ли на воротниках у них сзади вышито „ТВИДЛ“, но ее остановили слова, которые произнес человечек с „ДУМ“ на обшлаге:

— Если ты думаешь, что мы восковые,—сказал он,—так ты заплати сначала. Знаешь, за посмотр платят. Восковые фигуры не для того делаются, чтобы на них даром глазеть. Ни в каком случае!

— Наоборот,—прибавил человечек с „ДИ“ на обшлаге,—если ты думаешь, что мы живые, так ты должна заговорить с нами.

— Я очень виновата,—могла только выговорить Алиса. Потому что слова старинной песенки зазвучали в ее голове, как тиканье часов. Она еле удержалась, чтобы не произнести их вслух:

Раз Твидлдум и Твидлди
Затеяли сражаться,
За то, что будто Твидлди
Сломал гремушку братца.
Откуда ворон ни возьмись,
Большой, чернее вару:
Бойцы от страха затряслись
И вмиг забыли свару!

— Я знаю, что ты думаешь,—сказал Твидлдум.—Но это не так. Ни в каком случае!

— Наоборот,—продолжал Твидлдум,—если бы это было так, это могло бы быть; а если бы это могло бы быть, оно так и было бы. Но так как это не так, то этого и нет. Простая логика.

— Я думала,—очень вежливым тоном сказала Алиса,—как мне лучше выбраться из этого леса; становится так темно. Может быть, вы мне укажете дорогу? Пожалуйста.

Но толстячки только посмотрели друг на друга и ухмыльнулись.

Они были так похожи на пару больших школьников, что Алиса не могла удержаться. Она показала пальцем на Твидлдума и сказала: „Первый ученик“.

— Ни в каком случае!—отрывисто выкрикнул Твидлдум и закрыл рот, словно захлопнул его.

— Второй ученик,—сказала Алиса, переходя к Твидлди. Хотя она отлично знала, что он закричит только: „Наоборот“. Так он и сделал.

— Ты начала неправильно с самого начала,—закричал Твидлдум.—Первым делом, когда приходишь с визитом, надо сказать: „Как поживаете?“ и поздороваться.

И оба брата сначала поцеловались, а потом протянули Алисе свои свободные руки.

Алиса недоумевала, с кем ей поздороваться за руку сначала. Не обиделся бы другой. И, чтобы выйти из затруднения, она одновременно протянула им обе свои руки. И тотчас же они все втроем затанцовали в хороводе. Это казалось совершенно естественным, и Алиса даже не удивилась, когда услышала музыку. Музыка, повидимому, раздавалась с дерева, под которым они танцовали, и ее производили, очевидно, ветки, которые терлись друг об дружку, как смычки об струны.

Кавалеры Алисы были очень толстые, и они скоро запыхались.

— Четыре тура совершенно достаточно, — сказал, с трудом переводя дыхание, Твидлдум. И они перестали танцовать так же вдруг, как начали. Музыка тоже сразу остановилась.

Потом они отпустили руки Алисы и с минуту молча смотрели на нее. Вышла довольно неловкая заминка, но Алиса совершенно не знала, как завязать разговор с господами, с которыми она только что кружилась в танце.

„Кажется, уж не придется спрашивать их: „Как поживаете?“— подумала Алиса.—„Мы уже познакомились“.

— Я надеюсь, вы не очень устали?—сказала она, наконец.

— Ни в каком случае. Спасибо, что спросила,—сказал Твидлдум.

— Очень любезно,—прибавил Твидлди.—Ты любишь стихи?

— Д-д-а... отчего же... некоторые,—нерешительно ответила Алиса.—Может быть, вы мне укажете дорогу, как мне выбраться из этого леса?

— Что бы мне прочитать ей?—сказал Твидлди, посмотрев на Твидлдума большими серьезными глазами. Он не обратил на вопрос Алисы никакого внимания.

— „Тюлень и Плотник“, самое длинное,—ответил Твидлдум, и нежно обнял брата.

Твидлди тотчас же начал:

Сияло солнце в небесах...

Алиса осмелилась прервать его.

— Если оно очень длинное,—сказала она со всей вежливостью, на которую была только способна,—может быть, вы сначала укажете мне дорогу.

Твидлди мягко улыбнулся и начал снова:

Сияло солнце в небесах
И весело светило.
Изо всех сил свой мягкий блеск
На волны наводило:
И странность заключалась в том,
Что это—ночью было.

* *
*

Надувшись, на него луна
С досадою глядела,
Решив, что солнце по ночам
Могло-б ложиться смело.
— „Вот наглость“, думала она:
— „Так портить мне все дело“.

* *
*

Был сух на берегу песок,
Мокра вода морская...
Не видно было облаков
На синеве без края.
Не видно также было птиц:
Их улетела стая.

* *
*

Гуляли Плотник и Тюлень
По бережку согласно,
Над тем, что много так песку,
Рыдая громогласно.
— „Когда бы весь песок убрать...
Вот БЫЛО БЫ прекрасно!“

* *
*

— „Что еслиб семь служанок здесь
Семь метел в руки взяли“,
Спросил Тюлень: „Они песок
В полгода бы убрали?“...
Но Плотник проронил слезу
И отвечал: „Едва ли“!...

* *
*

— „Ах, устрицы!... Пойдем пройтись“,
Сказал Тюлень с мольбою:
— „Пойдем гулять и поболтать,
Внимая волн прибою,
Мы можем четырех из вас
За ручки взять с собою“.

* *
*

Из Устриц старшая тогда
Безмолвно лишь взглянула.
Из Устриц старшая тогда
Тюленю подмигнула:
Мол,—не покину мель свою!...
И головой качнула.

* *
*

Но уж четыре молодых
Спешили по дорожке,
Помывшись, платьица встряхнув
И вычистив сапожки
(Тут странность заключалась в том,
Что где-ж у Устриц—ножки?).

* *
*

Еще четыре, и еще
Четыре показались:
Еще, спеша, едва дыша,
Из моря появлялись,
Скакали через гребни волн
И за берег цеплялись.

* *
*

Тюлень и Плотник шли вперед,
Пожалуй, больше мили,
Потом уселись на камнях
И отдохнуть решили,
А крошки Устрицы на них
Глазенки устремили.

* *
*

И очень смирно стали ждать
Уставившись рядками.
Тюлень сказал: „Пришла пора
Потолковать нам с вами.
Мы всем займемся: сургучем,
Судами, башмаками...

* *
*

О кочанах, о королях
Мы с вами поболтаем,
И отчего валы кипят,
Как будто чайник с чаем,
И есть ли крылья у свиней?—
Мы это все узнаем“.

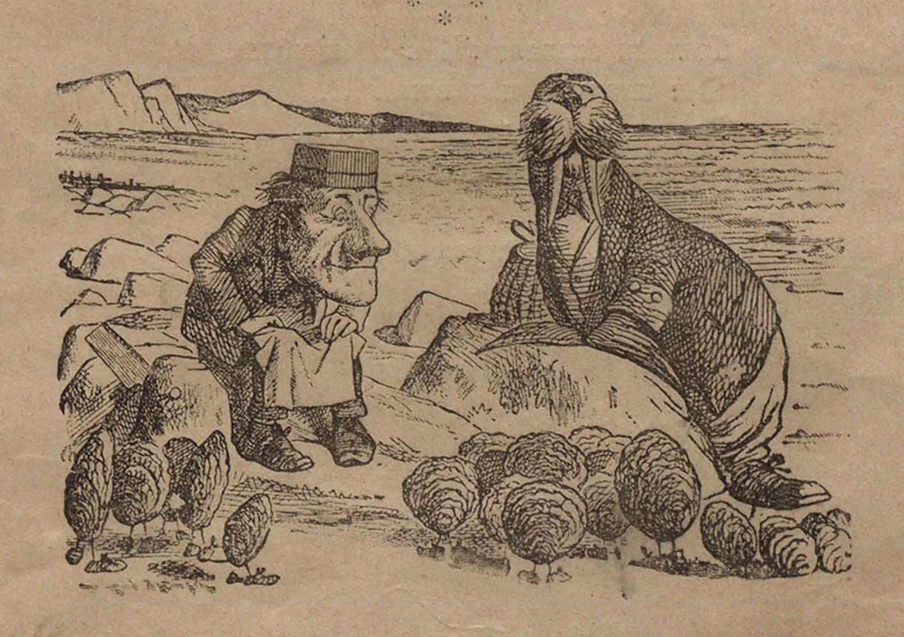
* *
*

Но устрицы — повременить
Просили с разговором:
— „Нас, Устриц жирненьких, взяла
Одышка в беге скором“.
И за согласье обождать—
Благодарили хором.

* * *

— „Нам нужен хлеб“, сказал Тюлень:
— „Он — трапезы основа!
Но уксус с перцем—тоже здесь
Полезны, нет и слова.
Итак... Закусывать начнем,
Когда у вас готово?“

* * *

— „Не нами-ж?“—Устриц ужас взял,
Они позеленели...
— „Ужель любезность вся вела
К такой зловещей цели?“...
— „Как ночь ясна!“...—сказал Тюлень:
— „На вид вы-б поглядели“.

* * *

— „Вы так любезны, что пришли...
Нам с вами так отрадно“...
— „Отрежь-ка мне еще ломоть“,
Тут буркнул Плотник жадно:
— „Оглох ты, что ли, братец мой?
Мне на тебя досадно“.

* *
*

Тюлень сказал:—„Такой обман...
Мне перед ними стыдно...
Еще заставить их бежать
Так далеко!... Обидно“.
А Плотник только проворчал:
— „Тут масла и не видно“.

* *
*

Тюлень сказал: „Как я скорблю,
Как плачу я над вами!“...
И самых крупных выбрал он
С горючими слезами,
Все время носовой платок
Держа перед глазами.

* *
*

— „Надеюсь“,—Плотник тут спросил,—
„Что вы прошлись приятно?...
Быть может вам уже пора
Идти домой обратно?“...
Но так как съели всех—никто
Не отвечал, понятно.

* * *

— Мне больше нравится Тюлень,—сказала Алиса,—потому что ему все-таки было немножко жалко бедных устриц.

— Однако, он съел их больше, чем Плотник,—сказал Твидлди.— Понимаешь, Тюлень держал перед собой платок, чтобы Плотник не мог сосчитать, сколько он съел их. Наоборот.

— Это очень гадко,—сказала Алиса с возмущением.—Тогда мне больше нравится Плотник... если он не съел столько же устриц, сколько Тюлень.

— Но он съел столько устриц, сколько ему удалось,—сказал Твидлдум.

Это было запутанное дело. Подумав, Алиса начала:

— Ну, тогда они оба очень гадкие...

Она остановилась, несколько встревоженная. Из леса, совсем на близком расстоянии, донесся какой-то шум—вроде как бы пыхтел паровоз. А может быть, это был какой-нибудь дикий зверь?

— У вас здесь не водятся львы или тигры?—робко спросила она.

— Это Черный Король храпит,—сказал Твидлди.

— Хочешь посмотреть на него? Пойдем!—воскликнули оба брата. И каждый из них взял Алису за руку и они повели ее к тому месту, где спал Король.

— Правда, это милое зрелище?—сказал Твидлдум.

По чести, Алиса не могла сказать, чтобы это было мило. На Короле был красный ночной колпак с кисточкой. Он лежал под деревом, опираясь на него спиной и перегнувши голову, и храпел во все носовые завертки.

— Он этак голову себе с плеч отхрапит,—заметил Твидлдум.

— Я боюсь, как бы он не простудился на сырой траве,—сказала Алиса. Она была заботливая маленькая девочка.

— Он видит сон,—сказал Твидлди.—Как ты думаешь, что ему сейчас снится?

— Кто же может угадать?—ответила Алиса.

— *Ты* ему снишься,—воскликнул Твидлди и с торжеством захлопал в ладоши.—А если бы ты перестала ему сниться, как ты думаешь, где бы ты очутилась теперь?

— Там же, где я сейчас, конечно,—сказала Алиса.

— Ничего подобного, — презрительно ответил Твидлди. — Ты не была бы нигде. Потому что ты только штука, которая снится ему во сне.

— Если бы Черный Король проснулся,—прибавил Твидлдум— ты бы—фить!—исчезла, как свечка, которую задули.

— Неправда! — с негодованием воскликнула Алиса. — И если я только штука, которая снится ему во сне, так что вы такое? Хотела бы я знать!

— То же самое,—сказал Твидлдум.

— То же, то же самое!—закричал Твидлди.

Он выкрикнул это так громко, что Алиса невольно сказала:

— Шш!

— Ты боишься, чтобы он не проснулся,—сказал Твидлдум,—потому что ты только штука, которая снится ему. Ты отлично знаешь, что ты в действительности не существуешь.

— Нет, существую,—сказала Алиса, и заплакала.

— От того, что ты будешь плакать, ты вовсе не станешь действительнее,—заметил Твидлди.—Тут нечего вовсе плакать.

— Если-б я не существовала,—сказала Алиса, улыбаясь сквозь слезы (уж очень все это было курьезно),—я не могла бы плакать.

— Что-ж, ты думаешь, это у тебя настоящие слезы?—презрительно перебил ее Твидлдум.

— Они говорят чепуху,—сказала себе Алиса,—и глупо плакать из-за этого.—Она утерла глаза и стала опять веселой.—Во всяком случае, мне очень бы хотелось поскорее выбраться из леса. Уж очень темно становится. Как вы думаете, не будет дождя?

Твидлдум раскрыл над собою и братом большой зонтик и заглянул под крышу зонтика.

— Нет, не думаю,—сказал он.—По крайней мере здесь, под зонтиком. Ни в каком случае.

— Но дождь-то, ведь, пойдет с неба, а не с зонтика.

— А пускай идет, если хочет,—сказал Твидлдум.—Мы ничего не имеем против. Наоборот.

„Эгоисты“, подумала Алиса. Она собралась уже сказать им: „Прощайте“ и уйти, как вдруг Твидлдум выскочил из-под зонтика и взял ее за кисть руки.

— Ты видишь это?—сказал он голосом, прерывающимся от волнения. Глаза его вдруг расширились и стали совершенно желтыми. Он указал дрожащим пальцем на какой-то маленький белый предмет, лежавший под деревом.

— Это простая трещетка,—сказала Алиса, внимательно осмотрев маленький белый предмет.—Ты испугался, как будто это

целая гремучая змея. Простая деревянная трещетка. Да к тому же еще и сломанная.

— Я знал, что она сломана!—закричал Твидлдум и начал топать ногами и рвать на себе волосы.—Конечно, испорчена.— Тут он бросил взгляд на Твидлди. Твидлди тотчас же сел на землю и постарался совсем спрятаться под зонтиком.

Алиса положила руку на плечо толстячка и сказала успокаивающим тоном:

— Стоит ли так огорчаться из-за старой трещетки?

— Да она не старая,—закричал Твидлдум, с еще большим бешенством.—Она новая. Говорю я тебе: новая! Я только вчера купил ее! Моя милая, новая ТРЕЩЕТКА!

И крик его перешел в визг.

Все это время Твидлди старался закрыть зонтик и самому спрятаться в нем. Это ему не удавалось. Наконец, он кое-как завернулся в зонтик. Снаружи торчала только его голова, и он ежесекундно открывал и закрывал свой рот и свои большие глаза.

„Совсем, как рыба", подумала Алиса.

— Надеюсь, ты согласен драться,—сказал Твидлдум более спокойным тоном.

— Надеюсь,—ответил тот угрюмо и выкарабкался из зонтика.— Только надо, чтобы она помогла нам надеть доспехи.

Оба брата, взявшись за ручки, ушли в лес и вернулись через минуту каждый с целой охапкой—валиками, одеялами, половиками, скатертями, крышками от кастрюль и ведрами для угля.

— Я думаю, ты хорошо умеешь прикалывать и завязывать?— спросил Твидлдум.—Так или иначе, все это должно быть надето.

Это было нелегкое дело. С большим трудом Алисе удалось нацепить на толстячков и приладить на них все эти вещи. Прилаживая валик от кушетки вокруг шеи Твидлди, Алиса сказала:

— Это—чтобы вам не отрубили голову.

— А ты знаешь,—ответил он совершенно серьезно,—это одна из самых крупных неприятностей, которые только могут приключиться во время боя. Остаться без головы.

Алиса громко засмеялась, но во время сумела превратить этот смех свой во что-то вроде кашля. Чтобы толстячек не обиделся.

— Что, я очень бледный?—спросил Твидлдум.—Покрепче привяжи мне мой шлем (собственно говоря, это была скорее кастрюля).

— Ну... так... немножечко,—любезно ответила Алиса.

— Я вообще очень храбр,—продолжал он, понизив голос.— Но только у меня сегодня что-то голова болит.

— А у меня зубы,—воскликнул Твидлди, расслышав его слова.—Мне хуже, чем тебе.

— Так лучше вам сегодня не драться,—сказала Алиса.

Она обрадовалась открывшейся возможности восстановить мир.

— Мы должны немножко подраться,—сказал Твидлдум.—Но я не настаиваю на долгом бое. Который час теперь?

Твидлди посмотрел на часы и сказал:

— Половина пятого.

— Подеремся до шести,—сказал Твиддум,—а потом пойдем обедать.

— Чудно,—сказал другой довольно печальным голосом.— А она пусть смотрит. Только пусть она не подходит близко. Я обыкновенно, когда разойдусь, луплю кругом всех, кого только увижу.

— А я луплю всех, кто попадется,—закричал Твиддум.—Все равно, вижу или не вижу.

Алиса засмеялась:

— Так вы, наверно, колотите часто по деревьям,—сказала она.

Твиддум оглянулся с довольной усмешкой.

— Да,—сказал он.—Не думаю, чтобы тут осталось кругом много стоячих деревьев, к тому времени, как мы кончим драться.

— И все это из-за трещетки,—сказала Алиса, все еще надеясь, что они устыдятся и не затеют драки из-за таких пустяков.

— Я бы не придавал этому такого значения,—сказал Твиддум,—если бы это не была совершенно новая трещетка.

„Хорошо было бы, если бы прилетела огромная ворона",—подумала Алиса.

— У нас только один меч, ты знаешь,—обратился Твиддум к своему брату.—Но ты можешь взять зонтик. Он такой же острый. Только давай скорей начинать. Тут темно, как в подземельи.

— И даже глубже,—сказал Твиддли.

Темнело так быстро, что Алиса подумала, что надвигается гроза.

— Какая большая темная туча,—сказала она.—И как она быстро двигается! Что это? У нее как будто крылья?

— Это Ворона!—закричал Твиддум в страшном испуге.

И оба брата повернулись и пустились бежать так, что только пятки засверкали.

Алиса отбежала немножко в лес и укрылась под большим деревом.

— Здесь Ворона меня никак не достанет,—подумала она.— Она слишком велика: ей не протискаться между деревьями. Но лучше бы она не хлопала так своими крыльями. Она производит целый ураган в лесу. Вон чья-то шаль полетела, как бумажка.

Глава V.

Шерсть и вода.

Алиса поймала шаль на лету и стала искать глазами ее хозяйку. Через минуту показалась Белая Королева... Она бежала, как безумная, с широко раскрытыми и вытянутыми вперед руками. Казалось, что она летит. Алиса почтительно пошла ей навстречу, держа перед собою шаль.

— Я очень рада. А я как раз проходила тут,—сказала Алиса, помогая Королеве облачиться в ее шаль.

Белая Королева, в ответ, только смотрела на нее беспомощными испуганными глазами и твердила шопотом какие-то слова, звучавшие словно: Бут-тер-брод, бут-тер-брод.

Алиса увидела, что никакого разговора между ними не выйдет, если она не начнет сама. И она довольно робко промолвила:

— Я имею удовольствие говорить с Белой Королевой?

— Да, да,—сказала Королева,—если ты называешь это удовольствием. По-моему, нет никакого удовольствия в разговоре. Удовольствие в молчании.

Алиса решила, что не стоит начинать с самого начала знакомства спор.

„Какая она замарашка“,—подумала Алиса, осмотрев внимательно Белую Королеву.—„Все на ней сидит криво и держится на одних булавочках“.

— Можно мне поправить на вас шаль?—сказала она вслух.

— Я не понимаю, право, что с ней сделалось, с этой шалью,—ответила с грустью Королева.—Она потеряла, вероятно, терпенье. Я приколола ее здесь и приколола ее там, но никак на нее не угодишь.

— Она не может держаться, когда вы прикололи ее всю на одну сторону,—сказала Алиса, и деликатно поправила шаль на плечах у Королевы.—Батюшки, в каком виде ваши волосы!

— Щетка запуталась в них, никак не вытащить,—вздохнула Королева.—А гребенку я вчера потеряла.

Алиса осторожно вытащила у нее из головы щетку и убрала ей волосы, как умела.

— Смотрите, у вас вид стал гораздо лучше,—сказала она.—Но, право, вам не мешало бы иметь горничную.

— Я тебя возьму с удовольствием,—сказала Королева.—Два пенса в неделю и каждый второй день варенье.

Алиса не могла удержаться от смеха.

— Я вовсе не собираюсь наниматься к вам,—сказала она.—А варенье меня очень мало интересует.

— Это очень хорошее варенье,—сказала Королева.

— Но мне сегодня не хочется варенья.

— Ты все равно сегодня и не получила бы,—сказала Королева,—если бы даже и хотела. У меня в доме правило такое: завтра варенье и вчера варенье, но сегодня—никогда.

— Как же так?—возразила Алиса.—При таком правиле все равно получится когда-нибудь „сегодня—варенье".

— Никак не может получиться,—сказала Королева.—Я ведь тебе объяснила: варенье через день. А сегодняшний день разве через день? Сегодняшний день—сегодня.

— Я не могу этого понять,—сказала Алиса.—Это ужасно запутано.

— Это оттого, что ты живешь назад,—снисходительно сказала Королева.—Конечно, у тебя сначала кружится голова, ты не можешь привыкнуть, но...

— Я живу назад?—повторила Алиса, очень удивленная,—Я этого и не подозревала. Что это значит?

— Но с другой стороны—продолжала Королева, не обращая внимания на ее вопрос,—жизнь назад имеет большое преимущество: у тебя память работает в обе стороны.

— Не знаю,—сказала Алиса.—Моя память работает в одну сторону. Я запоминаю вещи только после того, как они прошли.

— О, тогда у тебя неважная память,—сказала, оттопырив губы, Королева.—Это плохая память, которая работает только назад.

— Скажите мне, пожалуйста,—решилась задать вопрос Алиса,—какие вещи вы лучше всего помните?

— Ну, конечно, вещи, которые случились от этой недели через неделю,—ответила спокойно Королева.—Например,—продолжала она, налепив себе на палец большой кусок пластыря,—Королевский Офицер. Он сейчас в тюрьме отбывает наказание. А суд над ним начнется только в будущую пятницу. А преступленье, конечно, произойдет в самом конце.

— А если он никогда не совершит преступленья?—сказала Алиса.

— Тем лучше,—сказала Королева.—Разве не лучше?

И она укрепила пластырь на своем пальце кусочком тесьмы.

Алиса почувствовала, что оспаривать это нельзя.

— Конечно, тем лучше,— сказала она,— но то, что его подвергли уже наказанию, вовсе нехорошо.

— Ты совершенно не права,— возразила Королева.—Тебя когда-нибудь наказывали?

— Да,— сказала Алиса,—но только после того, как я провинилась.

— И ты становилась после этого лучше!— с торжеством воскликнула Королева.

— Да, но я сначала нашалила, а потом меня за это наказали. Вот в чем разница!— сказала Алиса.

— А если бы ты не шалила, было бы гораздо лучше, лучше, лучше и лучше.

Голос Королевы становился все выше с каждым „лучше" и перешел, наконец, в визг.

Алиса начала было: „Тут у нас какое-то недоразумение"... Но Королева начала вдруг так громко стонать, что Алисе пришлось оставить предложение недоконченным.

— Ой, ой, ой!—кричала Королева и трясла рукой так сильно, словно она хотела, чтобы рука у нее оторвалась.— У меня кровь идет из пальца. Ой, ой, ой, ой!

Ее визг был так похож на свист паровозного свистка, что Алисе пришлось заткнуть себе уши обеими руками.

— Что случилось?—сказала она, когда наступил момент затишья и она могла расчитывать, что Королева ее услышит.— Вы укололи себе палец?

— Я еще пока не уколола,—ответила Королева,—но скоро уколю. Ой, ой, ой!

— Когда, вы думаете, это случится?—спросила Алиса, удерживаясь от смеха.

— Когда я буду опять прикалывать шаль,— слезливо сказала Королева.— Брошка на груди у меня сейчас отстегнется. Ой, ой!

Как только она это сказала, брошка расстегнулась, и Королева быстро схватила ее, чтобы застегнуть.

— Осторожно! — закричала Алиса.— Вы ее не так держите.

И она взяла брошку, но было уже поздно: булавка скользнула и Королева наколола себе палец.

— Вот почему шла кровь, понимаешь? — сказала Королева, улыбаясь.— Теперь ты понимаешь, как у нас здесь все происходит?

— А почему же вы сейчас не плачете? — спросила Алиса, поднеся руки к ушам, чтобы закрыть их, как только Королева откроет рот для плача.

— Зачем? — ответила Королева.— Я уже выплакала все вперед. Какой толк был бы опять начать сначала плакать?

Стало светлеть.

— Наверно, Ворона улетела,— сказала Алиса.— Я так рада, что она улетела. Я думала сначала—это ночь.

— Я бы тоже хотела обрадоваться,— сказала Королева,— но я не могу запомнить, как это делается. Ты счастливая. Живешь в этом лесу и можешь обрадоваться, когда захочешь.

— Только здесь так пусто, одиноко,—сказала грустно Алиса. И при мысли о своем одиночестве она пролила две крупные слезы, медленно покатившиеся по ее щекам.

— Ой, не надо! не надо!—закричала бедная Королева, заламывая в отчаянии руки.— Посмотри, какая ты большая девочка. Посмотри, сколько ты прошла сегодня. Посмотри, который час. Посмотри на что угодно, и не плачь.

Алиса не могла не улыбнуться сквозь слезы.

— Что же — сказала она,— разве вы перестаете плакать, когда вы смотрите?

— Разумеется,—уверенно сказала Королева.—Нельзя же делать в одно время две вещи. Либо плакать, либо смотреть. Ну, начинай: посмотри сначала, какая ты большая. Сколько тебе лет?

— Семь с половиной скоро,—сказала Алиса,—честное слово.

— Зачем „честное слово"?—сказала Королева.—Я могу тебе поверить и так. Ну, теперь ты поверь мне в чем-нибудь. Мне сто один год, шесть месяцев и один день.

— Я не могу этому поверить—сказала Алиса.

— Не можешь?—сказала Королева с состраданием.—А ты попробуй... Ну-ка... Вздохни глубоко, глубоко и закрой глаза.

Алиса засмеялась.

— Незачем пробовать,—сказала она.—Я не могу поверить в невозможную вещь.

— Вероятно, у тебя было мало практики,—сказала Королева.—Когда я была в твоем возрасте, я практиковалась каждый день по получасу. Мне иногда удавалось поверить в шесть невозможных вещей утром до завтрака... Опять шаль у меня падает.

При этих словах Королевы брошка на ее груди расстегнулась, и внезапный порыв ветра сорвал с ее плеч шаль и унес ее через ручеек. Королева вытянула руки и полетела за шалью вперед, и на этот раз ей удалось самой поймать свою шаль.

— Поймала!—закричала она с торжеством.—Теперь ты увидишь, как я сама сейчас приколю ее на себе.

— Значит, палец у вас, слава богу, прошел?—сказала учтиво Алиса.

И переступила вслед за Королевой через ручей.

— О, совсем не болит!—визгливо закричала Королева.—Не болит... не бо-олит... не бооо-лит... не бо-о-о-...

Последнее слово прозвучало так, как будто его не Королева произнесла, а овца проблеяла. Алиса с удивлением остановилась.

Она посмотрела на Королеву, которая вдруг как бы окуталась шерстью. Алиса потерла себе глаза и посмотрела опять. Она никак не могла понять, что случилось. Где она? Действительно в лавке? И это действительно овца сидит там за прилавком? Сколько она ни терла себе глаза, так оно и было: Алиса очутилась в маленькой темной лавочке и стояла у прилавка,

опираясь на него локтями. Напротив же, за конторкой, сидела в кресле старая Овца и вязала. От времени до времени она отрывалась от работы и смотрела на Алису через свои большие очки.

— Что ты хочешь купить?—сказала, наконец, Овца, уставившись на Алису.

— Я еще сама не знаю,—вежливо сказала Алиса.—Можно мне сначала осмотреться?

— Ты можешь посмотреть на товары,—ответила Овца,—но осмотреться сама ты не можешь. Разве только что у тебя есть еще другая пара глаз на затылке.

У Алисы этого не было, и ей пришлось ограничиться осмотром разложенных на полках товаров.

Лавка была, казалось, наполнена множеством самых странных вещей. Но страннее всего было то, что каждый раз, когда Алиса останавливала свой взгляд на какой-нибудь полке, чтобы внимательно осмотреть ее, полка вдруг оказывалась совершенно пустой. А полки и под нею, и над нею ломились под тяжестью поставленных на них вещей.

— Вещи тут летают,—с досадой сказала Алиса, после того, как она в течение нескольких минут тщетно преследовала глазами большую ярко расцвеченную штуку, которая казалась не то куклой, не то рабочим ящиком и всякий раз переселялась одной полкой выше.

— А эта штука самая противная из всех,—прибавила Алиса, осененная удачной мыслью.—Я ее разгляжу все-таки. Я ее загоню сейчас на самую верхнюю полку. Посмотрим, как она скроется от моих глаз через потолок.

Но и этот план не удался Алисе. „Штука“ преспокойно ушла от взгляда Алисы через потолок.

— Ты девочка или юла?—сказала Овца, взяв еще пару вязальных спиц.—Голова от тебя кружится. Разве можно так вертеться?

Она работала теперь сразу четырнадцатью парами спиц.

„Как она может сразу работать таким количеством спиц?“—подумала озадаченная Алиса.—„Она становится с каждой минутой все больше и больше похожей на дикобраза“.

— Ты умеешь грести?—сказала Овца, протянув ей пару спиц.

— Да, немножко. Но не по земле и не вязальными спицами,—начала было Алиса, но вдруг спицы превратились в ее руках в весла, и она увидела, что они сидят с Овцой в лодочке, скользящей между двух берегов.

Алиса принялась грести.

— Табань!—воскликнула Овца, взяв другую пару спиц.

— Что это значит?—спросила Алиса.

— Когда я говорю „табань“,—ответила Овца,—это значит, что ты должна табанить.

Алиса не поняла, что это значит, и продолжала работать веслами. Вода показалась Алисе довольно необыкновенной. Весла погружались в нее легко, но вытаскивать их было почему-то очень трудно.

— Табань! табань!—закричала опять Овца и взяла еще пару спиц.—Ты сейчас зацепишь веслом за краба.

„Это было бы очень хорошо“,—подумала Алиса.—„Я люблю крабов. Они красивые“.

— Ты что-ж, не слышала, как я опять кричала: „Табань!“—сердито закричала Овца и взяла целую охапку спиц.

— Слышала!—сказала Алиса.—Вы произнесли это слово достаточно громко... А где же крабы?

— В воде, конечно,—сказала Овца и воткнула несколько спиц себе в голову, потому что руки ее были полны.—Табань, говорю я!

— Зачем вы так часто повторяете это слово?—сказала, наконец, Алиса, немножко обиженным тоном.—Вы ведь видите, что я не понимаю.

— Тебе и не надо понимать,—сказала Овца.—Тебе надо табанить!

Лодка медленно продолжала скользить—то между водорослями, которые цеплялись за весла, так что вытаскивать их становилось еще труднее, то под деревьями. С обеих сторон бежали высокие берега.

— Смотрите, смотрите!—воскликнула вдруг Алиса в порыве восторга.—Лилии! Настоящие лилии. И какие красивые!

— Мне нечего смотреть на них,—сказала Овца, не отрывая глаз от своего вязанья.—Не я их посадила там в воду и не я их вытащу из воды.

— Я хотела только спросить,—начала оправдываться Алиса,—нельзя ли нам остановиться немножко. Я хотела бы нарвать букет.

— Как мы можем остановиться,—сказала Овца,—когда мы не двигаемся? Лодка двигается, пускай она и останавливается.

Алиса перестала грести и лодка тихо понеслась по течению и врезалась в гущу ненюфаров. Алиса тщательно засучила рукава и погрузила свои руки по локоть в воду. На минуту она

забыла и про Овцу, и про ее вязанье. Высунувшись за борт лодки так, что кончики ее рассыпавшихся волос коснулись поверхности воды, она срывала один за другим чудные, милые ненюфары.

„Только бы не опрокинулась лодка", — подумала она. — „Ах, какая красивая лилия! Ах, мне не дотянуться..."

И действительно это было досадно („словно нарочно", — подумала Алиса). Все время ей открывался цветок, красивее всех, которые она уже сорвала, и она не могла его достать.

— Самое красивое всегда дальше, — сказала она себе, вздохнув, и раскрасневшаяся, с мокрыми руками и волосами, с которых стекала вода, она уселась на свое прежнее место и стала приводить свои сокровища в порядок.

Что было ей до того, что ненюфары стали увядать и терять всю свою красоту, как только она сорвала их? Даже настоящие ненюфары, вы знаете, живут недолго, а это были ненюфары, порожденные грезой, и они таяли, почти как снег, сваленные кучкой у ее ног. Но Алиса почти не заметила этого. Другие странные вещи отвлекли на себя ее внимание.

Они отъехали очень недалеко, когда лопасть одного из весел, погрузившись в воду, вдруг словно примерзла там и не пожелала показаться обратно. Последствием этого было то, что бедная Алиса не удержалась на своем сиденьи и свалилась на дно лодки, прямо на кучу ненюфаров.

Она нисколько не ушиблась и вскрикнула только от неожиданности. Когда она поднялась и вскарабкалась опять на сиденье, Овца сказала:

— Краба поймала!

— Где? — сказала Алиса. — Я его не вижу. — И она перегнулась через борт и внимательно вглядывалась в черную воду. — Я хотела бы, чтобы он не ушел. Мне бы так хотелось иметь маленького краба. Я бы его взяла домой к себе.

Но Овца только засмеялась презрительно и продолжала вязать.

— Здесь много крабов? — спросила Алиса.

— И крабов, и всяких вещей,—сказала Овца.—Выбор огромный. Надо только знать, чего хочешь. Ну, что ты решила купить?

— Купить?—повторила, как эхо, Алиса, отчасти с удивлением, отчасти с испугом, потому что и весла, и лодка, и речка, и все исчезло в одну минуту, и она опять очутилась в маленькой темной лавке.

— Я хотела бы купить яйцо,—сказала она робко.—Сколько у вас стоят яйца?

— Пять пенсов штука, два пенса пара,—ответила Овца.

— Пара, значит, дешевле, чем одно,—с удивлением сказала Алиса, вынимая свой кошелек.

— Только ты должна съесть оба, если ты купишь два,—сказала Овца.

— Тогда одно, пожалуйста,—сказала Алиса и положила деньги на прилавок. Потому что она подумала: „Может быть, они не вкусные. Кто их знает“.

Овца взяла деньги, бросила их в ящик и сказала:

— Я никогда не передаю товар из рук в руки. Это не гигиенично. Ты возьмешь сама.

Сказав это, она встала, перешла на другой конец лавки и поставила на полку яйцо.

„Почему это не гигиенично? Все равно она взяла его руками“,—думала Алиса, пробираясь между столами и стульями в темном конце лавки.—„Яйцо как будто удаляется от меня, по мере того, как я подхожу к нему. Фу, как темно! Это, кажется, стул? Что же это? У него ветки... Как это странно, что в этой лавке растут деревья. А вот и ручей... Никогда в жизни я не видела еще такой странной лавки“.

Так она подвигалась, все больше с каждым шагом удивляясь. Все предметы превращались в деревья, когда она приближалась к ним. Она уже думала, что и яйцо превратится сейчас в дерево.

ГЛАВА VI.

Ванька-Встанька.

Однако, яйцо все продолжало расти и расширяться и стало приобретать все более человеческий вид. Когда Алиса подошла к нему на расстояние нескольких шагов, она увидела, что у яйца имеются глаза и рот и нос. А когда она подошла еще ближе, она ясно увидела, что перед нею находится не кто иной, как сам ВАНЬКА-ВСТАНЬКА.

— Несомненно, это он,—сказала себе Алиса,—я так уверена в этом, как если бы его имя было написано у него на лице.

Такая надпись свободно уместилась бы на этом огромном лице сто раз. Ванька-Встанька сидел, поджавши под себя по-турецки ноги, наверху высокой стены. Стена это была такая узкая, что

Алиса не могла понять, как Ванька-Встанька ухитряется удерживаться на ней в равновесии. Глаза его были пристально устремлены в другую сторону. И он не обращал на Алису ни малейшего внимания.

— Вернее всего, это просто чучело,—подумала Алиса.

— Ну, точь-в-точь, как яйцо,—сказала она громко и вытянула руки, чтобы подхватить его. Потому что ей казалось, что вот-вот оно должно упасть.

— Это очень обидно,—сказал Ванька-Встанька после продолжительного молчания и не глядя на Алису.—Это очень обидно, когда тебя называют яйцом. Да.

— Я сказала только, что вы похожи на яйцо, сэр,—вежливо объяснила Алиса.—А некоторые яйца, знаете, очень красивы.

Она надеялась, что это последнее замечание ее превратит первое в нечто вроде комплимента.

— У некоторых людей,—продолжал Ванька-Встанька, глядя попрежнему куда-то в бок,—смысла в голове, как у грудного младенца.

Алиса недоумевала, что сказать на это. Во-первых, это вовсе не походило на разговор. Он ни разу не обратился к ней. Последнее его замечание было очевидно обращено к дереву. Алиса стояла и тихо повторяла про себя:

Ванька-Встанька на заборе очень весело сидел.
Ванька-Встанька вдруг с забора прямо на спину слетел.
Пусть Король коней приводит, пусть зовет за ратью рать —
Никогда никто не сможет Ваньку-Встаньку посадить туда опять.

— Последняя строчка чересчур длинная для стиха,—прибавила она почти громко, забыв, что Ванька-Встанька может ее услышать.

— Не бормочи ты там про себя,—сказал Ванька-Встанька, посмотрев на нее в первый раз.—Лучше бы ты сказала мне, как тебя зовут и что тебе здесь надо?

— Меня зовут Алисой, и...

— Довольно глупое имя!—нетерпеливо прервал ее Ванька-Встанька.—Что обозначает это имя?

— А разве имя должно что-нибудь обозначать?—с сомнением спросила Алиса.

— Конечно!—сказал Ванька-Встанька с коротким смешком.—Мое имя обозначает мои качества. И довольно недурные качества, могу сказать. С таким именем, как у тебя, девочка, можно быть без всяких качеств.

— Зачем вы здесь сидите одни?—спросила Алиса, не желая вступать в препирательства.

— Потому что со мной никого нет, потому я один!—закричал Ванька-Встанька.—Ты думаешь, я не знаю ответа на этот вопрос? Спроси что-нибудь другое.

— А вы не думаете, что безопаснее было бы сидеть внизу, на земле?—продолжала Алиса, вовсе не собираясь задать ему загадку. Она просто беспокоилась, в своей доброте душевной, как бы он не свалился и не разбился бы. Стена ведь такая узкая.

— Фу, какие ты задаешь легкие загадки,—заворчал Ванька-Встанька.—Разумеется, я этого не думаю. Если бы даже я когда-нибудь свалился бы—на что нет никаких шансов—но если бы, допустим, это все-таки случилось бы...—Он сложил губы бантиком и выражение его лица стало таким торжественным и важным, что Алиса прямо не в состоянии была удержаться от смеха.—Если бы я свалился,—продолжал он,—Король обещал мне... можешь упасть в обморок, если тебе угодно. Ты не ожидала, что я тебе это скажу? Правда, не ожидала? Король обещал мне—это были его собственные слова,—обещал мне, что, что...

— Пришлет, чтоб поднять вас, всех своих лошадей и всех людей,—прервала его Алиса (довольно неблагоразумно).

— Ну, это, знаете, уж чересчур!—закричал Ванька-Встанька, вдруг рассвирепев.—Ты подслушивала за дверьми и за деревьями... И в камни забиралась подслушивать... Иначе ты не могла бы знать.

— Я не подслушивала, — кротко возразила Алиса. — Это есть в книге.

— Ах, так! Они позволяют себе писать про меня такие вещи в книгах, — сказал Ванька-Встанька более спокойным тоном. — Ну-с, так вот я прошу посмотреть на меня хорошенько. Я сам, самолично, разговаривал с Королем. Я! Ты, может быть, другого такого больше в жизни не увидишь. И, чтобы доказать тебе, что я не гордый, я позволяю тебе поздороваться со мною за руку.

Он расплылся в широкой, почти от уха до уха, улыбке и, наклонившись так, что он был прямо на волосок от падения, протянул Алисе руку. Алиса, протягивая ему свою руку, смотрела на него с некоторым беспокойством.

„Если бы он еще немного шире улыбнулся“,—подумала она,— „концы его рта встретились бы у него на затылке. Что бы случилось тогда с его головой? Она отвалилась бы!“

— Да, всех своих лошадей и всех своих людей,—продолжал Ванька-Встанька.—Они бы подняли меня опять в одну секунду. Они бы подняли! Однако, мы далеко зашли. Давай, вернемся к твоему предпоследнему замечанию.

— Я что-то не припоминаю... —сказала вежливо Алиса.

— Ну, тогда начнем сначала,—сказал Ванька-Встанька.— И теперь уж мой черед выбрать, о чем мы будем разговаривать. („Он выражается так, как будто бы мы в какую-нибудь игру играем“,—подумала Алиса). Хорошо! Так вот я тебе задам вопрос. Сколько тебе лет, ты сказала?

Алиса быстро подсчитала и сказала:

— Семь лет, шесть месяцев.

— Неверно!—с торжеством воскликнул Ванька-Встанька.— Ты ничего подобного не говорила.

— Я думала, вы меня спрашиваете, сколько мне лет,—об‘яснила Алиса.

— Если бы я это хотел спросить, я бы так и спросил,— сказал Ванька-Встанька.

Алиса опять не хотела вступать в спор и промолчала.

— Семь лет и шесть месяцев,—задумчиво повторил Ванька-Встанька.—Неудобный возраст. Если бы ты спросила моего совета, я сказал бы тебе: „Остановись на семи!“ Но теперь слишком поздно!

— Я никогда не спрашиваю советов насчет моего роста,— с возмущением сказала Алиса.

— Горда слишком?

Алиса еще пуще вознегодовала.

— Я хотела сказать,—объяснила она,—что человек не может перестать расти.

— Один человек, пожалуй, не может,—сказал Ванька-Встанька,—но люди могут. Один человек—человек, а два человека—люди. С помощью людей, ты могла бы перестать расти в семь лет.

— Какой у вас красивый пояс!—заметила вдруг Алиса (довольно, подумала она, они поговорили о возрасте. И если действительно предметы для разговора следовало предлагать поочереди, так очередь была ее).—То-есть,—поправилась она,—я хотела сказать—галстух красивый... т.-е., я хочу сказать, пояс... извините,—прибавила она, расстроенная, потому что на лице у Ваньки-Встаньки отразилась обида. Алисе хотелось бы теперь, чтобы лучше она не коснулась никогда этой темы.

„Если бы я могла понять“,—сказала она про себя,—„где у него затылок и где талия“.

Ванька-Встанька, очевидно, очень рассердился, хотя минуту или две он не сказал ничего. Зато, когда он заговорил, это было хриплое ворчанье.

— Это страшная наглость,—сказал он,—когда не могут отличить галстуха от пояса.

— Я знаю, это с моей стороны большое невежество,—сказала Алиса. У нее был такой кроткий и сконфуженный тон, что Ванька-Встанька не мог не смягчиться.

— Это галстух, дитя, и красивый, как ты сама сказала. Это подарок от Белого Короля и Королевы. Вот теперь подарили.

— Серьезно?—сказала Алиса, довольная, что наконец-то она напала на хорошую тему.

— Они подарили мне его,—задумчиво продолжал Ванька-Встанька, заложив ногу за ногу и обняв руками колена,—они подарили его мне—ко дню моего нерождения.

— Виновата...—сказала озадаченная Алиса.

— Виноватых бьют!—сказал Ванька-Встанька.

— Виновата, я не поняла, что значит подарок ко дню нерождения.

— Подарок, который вам делают в обыкновенный день, когда нет вашего рождения. Кажется, совершенно ясно.

Алиса немного подумала.

— Мне больше нравятся подарки ко дню рождения,—сказала она, наконец.

— Ты сама не понимаешь, что ты говоришь!—воскликнул Ванька-Встанька.—Сколько всего дней в году?

— Триста шестьдесят пять,—сказала Алиса.

— А сколько дней рождения у тебя в году?

— Один.

— А если ты вычтешь один из трехсот шестидесяти пяти, сколько останется?

— Триста шестьдесят четыре, конечно.

Ванька-Встанька смотрел на нее с выражением сомнения.

— Надо бы мне проверить это на бумаге,—сказал он.

Алиса не могла победить улыбку, когда ей пришлось достать из кармана записную книжку и карандаш и произвести это вычитание на бумаге:

$$\begin{array}{r} 365 \\ -\ 1 \\ \hline 364 \end{array}$$

Ванька-Встанька взял книжку и, наморщив лоб, углубился в вычисления.

— Повидимому, ты вычла правильно...—начал он.

— Вы держите книжку вверх ногами,—прервала его Алиса.

— Конечно, держу, — весело сказал Ванька-Встанька, когда Алиса перевернула книжку в его руках, как следует.—То-то я и думал, что как-то странно немного выходит. Как я уже сказал, вычисление, повидимому, произведено правильно—хотя я и не имел времени проверить его хорошенько. И выходит, что в году есть триста шестьдесят четыре дня, когда ты можешь получить подарок ко дню нерождения.

— Совершенно верно!—сказала Алиса.

— И только один день для получения подарков ко дню рождения,—продолжал Ванька-Встанька.—Понимаешь? Это недурной фунт изюму.

— Какого изюму?—сказала Алиса.—Я не понимаю.

Ванька-Встанька презрительно усмехнулся.

— Конечно, ты не понимаешь... пока я не объясню тебе. Я хотел сказать: это сногсшибательный довод против тебя.

— Но изюм не может сбить с ног никого,—протестовала Алиса.

— Когда я употребляю какое-нибудь слово,—сказал Ванька-Встанька довольно презрительно,—оно обозначает то, что я хочу, чтобы оно обозначало. Не больше и не меньше.

— Вопрос в том,—сказала Алиса,—можете ли вы заставить слова выражать такие различные вещи?

— Вопрос в том—сказал Ванька-Встанька,—кто хозяин: я или мое слово? Вот и все. Я господин своего слова!

Алиса была слишком сбита с толку, чтобы что-нибудь возразить. Через минуту Ванька-Встанька начал опять.

— Они бывают упрямы иногда—некоторые из них,—особенно глаголы: они самые гордые. С прилагательными можно делать что угодно. Но не с глаголами. Впрочем, я могу делать, что хочу, со всеми решительно словами. Белендрясы! Вот что я говорю!

— Будьте добры, что это значит?—сказала Алиса.

— Вот теперь ты говоришь, как умная девочка,—сказал Ванька-Встанька с довольным выражением лица.—Я понимаю под белендрясами, что довольно мы толковали на эту тему и что лучше бы ты рассказала, что ты собираешься делать дальше. Я полагаю, ты ведь не думаешь остаться здесь до конца жизни?

— Это, верно, очень трудно—заставить слово выражать совсем другое,—сказала, задумавшись, Алиса.

— Когда я заставляю слово делать такую работу, я всегда плачу ему сверхурочные,—сказал Ванька-Встанька.

— О!—произнесла Алиса. Она слишком была озадачена, чтобы быть в состоянии сказать еще что-нибудь.

— Ты бы посмотрела, как они приходят ко мне по субботам вечером за расчетом,—сказал Ванька-Встанька, важно покачивая головой из стороны в сторону.—Денежки свои получить.

— Вы, кажется, очень хорошо умеете объяснять слова, сэр,—сказала Алиса.—Не будете ли вы любезны объяснить мне значение поэмы, которая называется: *Верлиока*.

— Прочти мне ее,—сказал Ванька-Встанька.—Я могу объяснить все стихи, когда бы то ни было, где бы то ни было и кем бы то ни было сочиненные, и много таких стихов, которые еще не сочинены нигде и никем.

Алиса прочла первое четверостишие:

Было супно. Кругтелся, винтясь по земле.
Склипких козей царапистый рой.
Тихо мисиков стайка грустела во мгле,
Зеленавки хрющали порой.

— Довольно для начала,—сказал Ванька-Встанька.—Тут много трудных слов. „Супно“—это когда варят суп. Перед самым обедом, значит.

— Ах, вот как!—сказала Алиса.—Ну, а „Кози?“

— „Кози“—это такие звери. Они иногда похожи на барсуков, а иногда на ящериц. Впрочем, они больше похожи на пробочники. Ну, „мисики“—это ясно. Это—мышики—такие птички. Они живут под полом. „Зеленавки“—это свиньи. Зеленые свиньи.

— А „хрющать?“

— „Хрющать“—это два слова в одном. Это очень удобно. Вместо того, чтобы сказать: пищать и хрюкать—ты сразу говоришь—хрющать. И время выгадываешь, и место, если пишешь.

— А еще там вначале: „кругтелся?“

— Ну, как же ты не понимаешь? Кажется, ясно: кругом вертелся—кругтелся. Кто это прочел тебе эту непонятную для тебя поэму?

— Я прочла ее сама, в книге,—сказала Алиса.

— Что касается стихов, ты должна знать,—сказал Ванька-Встанька,—я большой специалист по стихам. Я их превосходно декламирую, между прочим. Я тебе прочту сейчас один стишок.

— Маленький?—с надеждой сказала Алиса.

— Вовсе не маленький, а очень длинный стишок. Я называю его стишок, но мог бы назвать и стишина. Он тебе понравится,

если ты его поймешь. А если не поймешь, так вовсе не важно, чтобы он тебе понравился.

Алиса вздохнула и приготовилась слушать.

Ванька-Встанька начал:

Когда поля в снегу зимой —
Пою тебе, друг милый мой.

— Только я не пою,—сказал Ванька-Встанька,—а сказываю.

— Я вижу,—сказала Алиса.

— Если ты видишь, как человек не поет, а сказывает,— сердито возразил Ванька-Встанька,—у тебя очень острое зрение.

Зеленой вешнею порою
Я песни смысл тебе открою.

— Благодарю вас,—сказала Алиса.

В дни лета, глядя на цветы,
Ее поймешь, быть может, ты.
Во мраке осени сыром
Ты запиши ее пером.

— Запишу, если не забуду до тех пор,—сказала Алиса.

— Молчи!—сказал Ванька-Встанька,—твои замечания выбивают меня из вдохновения.

Я рыбкам разослал приказ:
— „Вот что угодно мне от вас!"
Они из глубины морской
Ответ прислали мне такой:
— „Никак нельзя на этот раз
Исполнить, сударь, ваш приказ".

— Я что-то не понимаю,—сказала Алиса.

— Дальше пойдет легче,—сказал Ванька-Встанька.

Я им приказ послал опять:
— „Извольте сразу исполнять!"
Они, осклабясь, мне в ответ:
— „Вам так сердиться смысла нет".

Сказал я раз, сказал я два...
Напрасны были все слова.
Тогда на кухню я пошел
И разыскал большой котел.
В груди стучит... В глазах туман...
Воды я налил полный чан!
Но кто-то мне пришел сказать:
— „Все рыбки улеглись в кровать“.
Тут снова отдал я приказ:
— „Так разбудить их сей же час!“
Ему я это повторил
И крикнул в ухо из всех сил.

Голос Ваньки-Встаньки перешел в визг..

Но он сказал мне, горд и сух:
— „К чему кричать?... Хорош мой слух“
И горд, и сух, сказал он мне:
— „Я-б разбудил их, еслиб не“...
Тут с полки штопор я схватил
И разбудить их сам решил.
Но дверь нашел я запертой:
Тянул, толкал, стучал... Постой!
Дверь отворить не мудрено.
Схватился я за ручку, но...

Наступила длинная пауза.

— Это все?—робко спросила Алиса.

— Все,—сказал Ванька-Встанька.—Прощай.

Это было несколько неожиданно. Но намек на то, что ей следует уйти, был чересчур ясный. Оставаться после этого было неприлично. Алиса встала и протянула Ваньке-Встаньке руку.

— Прощайте,—сказала она приветливо,—до скорого свидания.

— Я тебя не узнаю, если мы опять встретимся,—недовольным тоном сказал Ванька-Встанька, и протянул ей один палец.— Ты так похожа на всех девочек на свете.

— Дело не в наружности,—сказала внушительно Алиса.

— Об этом-то я и сокрушаюсь,—сказал Ванька-Встанька.— У тебя такое же лицо, как у всех—два глаза (он нарисовал в воздухе большим пальцем два глаза), между ними нос, под

носом рот. Всегда одно и то же. Вот если бы у тебя оба глаза были с одной стороны носа или рот наверху—это было бы уже другое дело.

— Но это было бы некрасиво!—возразила Алиса.

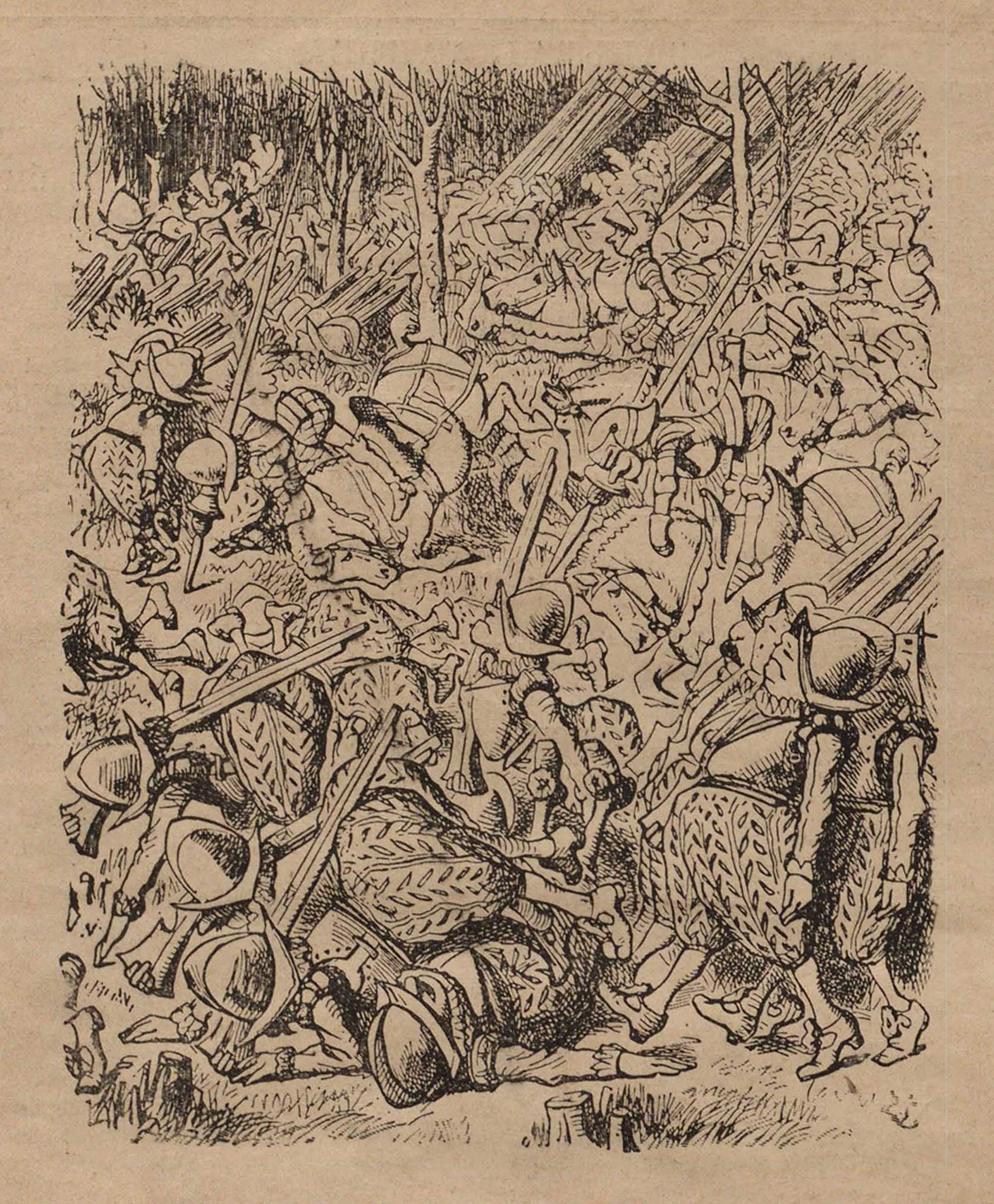
Ванька-Встанька только зажмурил глаза и сказал:

— А ты попробуй!

Алиса подождала минутку — не заговорит ли он опять,— но увидела, что он не открывает больше глаз и вообще не обращает на нее больше никакого внимания. Она еще раз сказала: „Прощайте!" и, не получив на это никакого ответа, спокойно пошла прочь. Но она не могла удержаться, чтобы не сказать самой себе:

— Из всех пренесимпатичных людей, с которыми мне приходилось когда-либо встречаться, этот...

Она не кончила предложения, потому что в этот момент громкий треск потряс лес от края до края.

ГЛАВА VII.

Лев и Единорог.

Тотчас же через лес побежали солдаты. Сначала по-двое и по-трое, потом компаниями в десять и двадцать человек, и, наконец, такими толпами, что ими переполнился, казалось, весь лес. Алиса спряталась за дерево, чтобы ее не сбили с ног, и наблюдала за их движениями.

Она подумала, что в жизни еще не видела солдат, которые так нетвердо держались бы на ногах. Они все время спотыкались обо что-нибудь и, когда один из них падал, на него валились еще несколько. Скоро вся земля покрылась такими кучками свалившихся людей.

Потом появились лошади. Располагая четырьмя ногами, они держались лучше, чем пехотинцы. Но и они то и дело спотыкались. И это было словно правило: как только конь спотыкался, всадник валился с него, как мешок. С каждой минутой беспорядок увеличивался, и Алиса была очень рада, когда ей удалось выбраться из леса на открытое место. Там она увидела Белого Короля. Он сидел на земле и усердно записывал что-то в свою записную книжку.

— Я послал их всех!—с восторгом воскликнул Король, увидев Алису.—Не видала ли ты, милая, солдат, когда проходила через лес?

— Видела,—сказала Алиса.—Несколько тысяч, я думаю.

— Четыре тысячи двести семь человек. Это точная цифра,—сказал Король, заглянув в свою книжку.—Я не мог, понимаешь ли, послать всех Коней, потому что два из них необходимы для игры. И я еще не послал двух Офицеров. Они оба отправились в город. Посмотри, пожалуйста, на дорогу, нет ли кого на дороге.

— Я вижу,—сказала Алиса,—никого.

— Хотел бы я иметь такие глаза,—горестно сказал Король.—Чтобы тоже уметь видеть никого. Да еще на таком расстоянии.

Это замечание пропало для Алисы, продолжавшей, сделав из руки козырек над глазами, вглядываться в даль.

— Кто-то идет,—воскликнула она, наконец.—Но он подвигается очень медленно... и какие он делает смешные движения. (Потому что Офицер подпрыгивал и извивался, подвигаясь, как угорь, а длинные руки его были вытянуты в обе стороны, как крылья).

— Ничего смешного,—сказал Король.—Он прыгает и извивается, потому что он счастлив. Его зовут Саймэр.

— Я люблю моего милого на С.,—начала Алиса, вспоминая папину присказку—потому что он Счастливчик. Я ненавижу его на С., потому что он Сердитый. Я кормлю его... кормлю его... на С, Сливками и Сеном. Его зовут Саймэр и он живет...

— И он живет в Степи,—добавил Король.—А другого моего офицера зовут Гатто. У меня их два. Один приходит, другой уходит.

— Прошу прощения,—начала Алиса.

— Попрошайничать неприлично,—сказал Король.

В это время подошел Офицер. Он слишком запыхался и не в состоянии был вымолвить ни слова. Он мог только размахивать руками и строил бедному Королю ужаснейшие гримасы.

— Вы меня пугаете,—сказал Король.—Я чувствую, что я сейчас упаду в обморок. Дайте мне бутерброд с ветчиной.

К великому удовольствию Алисы, Офицер открыл сумку, которая висела у него через плечо, и достал из нее бутерброд. Король съел его с жадностью.

— Еще бутерброд!—сказал шахматный Король.

— Больше ничего не осталось, кроме сена,—ответил Офицер, заглянув в сумку.

— Дайте хоть сена,—сказал умирающим шопотом Король.

Алиса обрадовалась, когда увидела, что, съев клочок сена, Король оправился.

— Нет ничего, что было бы похоже на сено,—сказал Король, проглотив последнюю былинку.—Вот у меня обморок уже и прошел.

— Я думаю, лучше было бы попрыскать вас водой,—сказала Алиса,—или дать вам понюхать нюхательной соли.

— Я не сказал, что нет ничего лучше сена,—сказал Король.— Я сказал, что нет ничего похожего на сено.

— Кого вы обогнали по дороге?—обратился Король к Офицеру и протянул руку еще за порцией сена.

— Никого,—ответил Офицер.

— Вы говорите правду,—сказал Король.—Эта молодая особа тоже видела его. Выходит так, что Никто ходит медленнее вас.

— Я делаю все, что могу,—ворчливо сказал Офицер.—Я уверен, что скорее меня ходит... Никто.

— Этого не может быть,—возразил Король.—Иначе он пришел бы сюда раньше вас. Ну, теперь вы, кажется, оправились? Рассказывайте, что произошло в городе?

— Я не могу рассказать, я могу прошептать,—сказал Офицер и, сложив руки трубой у своих губ, наклонился к самому уху Короля. Алиса была этим огорчена. Она тоже хотела бы услышать городские новости. Однако, вместо того, чтобы прошептать, Офицер прямо гаркнул во все горло:

— Они опять там!

— Вы называете это шептать?—закричал бедный Король, вскочив и отряхиваясь.—Если вы позволите себе еще что-нибудь подобное, я вас посажу в тюрьму. Вы мне устроили целое землетрясение в голове.

„Это было бы очень маленькое землетрясение",—подумала Алиса.

— Кто это там опять в городе?—отважилась она спросить.

— Как кто? Лев и Единорог, конечно,—ответил Король.

— Дерутся из-за короны?

— Ясное дело!—сказал Король.—И самое курьезное в этом деле, что это ведь моя корона. Побежим, посмотрим на них.

Они побежали. Алиса, следуя за ними, повторяла слова старой песни:

Раз за царскую корону бился Лев с Единорогом.
Одолев, Единорога Лев гонял по всем дорогам.
Кто им хлеба дал, кто булки, кто дал пряника обоим,
И из города прогнали с барабанным громким боем.

— Тот... который... победит... получит корону?—спросила на ходу Алиса прерывающимся голосом. Уж очень быстро ей пришлось бежать.

— Господи! Конечно, нет!—ответил Король.—Что за глупая мысль!

— Не будете ли... вы так добры... остановить...—выдавила из себя Алиса.—Минутку... передохнуть...

— Я достаточно добр,—возразил Король.—Только я недостаточно силен. Понимаешь, минута проходит так страшно быстро. Ее не остановишь. Скорее остановишь Жар-Птицу.

Алиса не в состоянии была больше произнести ни слова, и они бежали молча, пока не увидели большую толпу, в центре которой бились Лев и Единорог. Их окутывало такое густое облако пыли, что Алиса сначала не могла разглядеть, кто из них Лев и кто Единорог. Но скоро она узнала Единорога по его рогу.

Они остановились рядышком с Гаттой, вторым Офицером Короля. Он смотрел на бой с чашкой чая в одной руке и куском хлеба с маслом в другой.

— Он сейчас прямо из тюрьмы,—шепнул Алисе Саймэр,—он не успел допить свой чай, когда его забрали. А там ему не давали ничего есть, кроме раковин от устриц. Понимаешь, что ему хочется есть и пить? Как поживаешь, дорогое дитя?—продолжал он, любовно обняв Гатту.

Гатта обернулся, кивнул головой и опять занялся своим бутербродом.

— Хорошо тебе было в тюрьме, дорогое дитя?—спросил Саймэр.

Гатта еще раз обернулся, и на этот раз несколько слезинок скатилось по его щекам. Но он не сказал ни слова.

— Ты не умеешь говорить? — с нетерпением воскликнул Саймэр.

Но Гатта продолжал жевать хлеб и запивать его чаем.

— Ты не хочешь говорить?—закричал Король.—Как у них там дело идет, у противников?

Гатта сделал отчаянное усилие и проглотил большой кусок хлеба с маслом.

— У них дела идут очень хорошо,—сказал он, заикаясь.— Каждый из них валялся на земле уже около восьмидесяти семи раз.

— Так наверно им скоро принесут уже хлеб и пряники,— осмелилась сказать Алиса.

— Хлеб уже дожидается их,—сказал Гатта.—Я вот ем кусок от него.

Как раз тут в бою произошел перерыв. Лев и Единорог сели, тяжело дыша, на землю. Король закричал:

— Десять минут для подкрепления сил.

Саймэр и Гатта тотчас же взялись за дело и начали обносить всех черным и белым хлебом, нарезанным на больших подносах. Алиса взяла кусочек попробовать, но хлеб был совершенно черствый.

— Я думаю, они сегодня вряд ли будут еще драться,—сказал Король, обращаясь к Гатте.—Поди и вели барабанщикам начинать.

И Гатта побежал, подскакивая, как кузнечик.

Несколько минут Алиса стояла молча, наблюдая за ним. Вдруг она просияла.

— Смотрите, смотрите!—закричала она.—Вот бежит сюда Белая Королева. Она вылетела сейчас из вон того леса... Как быстро бегают эти шахматные Королевы!

— Очевидно, за нею гонится какой-нибудь враг,—спокойно сказал Король и даже не обернулся.—Этот лес полон врагами.

— Разве вы не хотите побежать ей на помощь?—спросила Алиса.

Она была очень удивлена таким спокойным отношением Короля к постигшей Королеву беде.

— Зачем?—сказал Король.—Она так быстро бегает. Скорее поймаешь Жар-Птицу. Но я сделаю себе насчет нее пометку в записной книжке... Она такое чудное существо... Прямо чудное существо,—нежно повторил он про себя, открывая записную книжку.

В этот момент мимо них проскочил Единорог, заложив руки в карманы.

— На этот раз я наложил ему,—обратился он мимоходом к Королю.

— Немножко, немножко...—ответил Король несколько нервно.— Но вы не должны были пронзить его вашим рогом, понимаете?

— Это ему не повредило,—беззаботно сказал Единорог и собирался уже ускакать дальше, но в это время он заметил Алису. Он тотчас же повернул, остановился перед нею и долго смотрел на нее с видом чрезвычайного отвращения.

— Что это такое?—сказал он, наконец.

— Это ребенок,—живо ответил Саймэр и подошел, чтобы представить Алису Единорогу.—Мы только сегодня нашли его.

— Я всегда думал, что дети сказочные чудовища,—сказал Единорог.—Оно живое?

— Оно умеет даже говорить,—важно сказал Саймэр.

Единорог мечтательно посмотрел на Алису и сказал:

— Говори, ребенок.

Алиса не могла не улыбнуться.

— Вы знаете,—сказала она,—я тоже всегда думала, что единороги сказочные чудовища. Я никогда раньше не видела живого Единорога.

— Но теперь, когда мы увидели друг друга, я тебе предлагаю такую сделку,—сказал Единорог:—я поверю в тебя, если ты поверишь в меня. По рукам?

— Пожалуйста,—сказала Алиса.

— Поди-ка принеси, старина, пирог со сливами,—продолжал Единорог, обернувшись к Королю.—Никаких ваших черных хлебов я знать не хочу.

— Разумеется, разумеется,—забормотал Король и поманил к себе пальцем Саймэра.—Открой сумку,—прошептал он ему—да живее. Не эту, эта набита сеном.

Саймэр достал из сумки большой пирог и дал его подержать Алисе, пока он доставал блюдо и большой нож. Как все это поместилось у него в сумке, Алиса никак не могла понять.

„Словно у фокусника“,—подумала она.

Тем временем к ним присоединился и Лев. Он казался чрезвычайно уставшим и сонным и глаза у него были полузакрыты.

— Что это?—сказал он, взглянув на Алису. И голос у него был глухой и глубокий, словно звонили в большой колокол.

— Ага, что это?—живо воскликнул Единорог.—Никогда не угадаете. Я не мог угадать.

Лев устало смотрел на Алису.

— Вы животное, или растение, или минерал?—спросил он, зевая после каждого слова.

— Это сказочное чудовище!—крикнул Единорог, не дав ответить Алисе

— Ну, так обнеси нас пирогом со сливами, Чудовище,—сказал Лев, улегшись и положив голову на свои лапы.—А вы садитесь тоже,—обратился он к Единорогу и Королю.—Только честно с пирогом, знаете?!

Королю было, очевидно, очень неудобно сидеть между этими двумя большими тварями. Но другого места у него не было.

— Вот когда мы могли бы побиться из-за короны,—сказал Единорог, с хитрецою поглядывая на бедного шахматного Короля.

Тот так затрясся, что корона чуть не свалилась с его головы.

— Я бы легко победил, — сказал Лев.

— Я в этом не уверен, — сказал Единорог.

— Как так? Я вас кругом всего города гонял. Вы! Цыпленок! — сердито сказал Лев и приподнялся.

Тут Король поспешил вмешаться, чтобы не дать разрастись ссоре. Он очень нервничал и голос у него дрожал.

— Вокруг всего города? — сказал он. — Это большой конец. Вы как ходите — через Старый мост или через рынок? Через Старый мост дорога покрасивее будет.

— Право, не знаю, — проворчал Лев и улегся опять. — Столько пыли было, что ничего не разберешь. Что это Чудовище так долго возится. Не может разрезать пирог!

Алиса уселась на берегу маленького ручейка, положила блюдо себе на колени и усердно пилила пирог ножом.

— Это очень раздражает, — сказала она, — я отрезала уже несколько кусков, но они тотчас же опять сростаются.

— Ты не знаешь, как надо обращаться с пирогами в Зазеркальи, — заметил Единорог. — Сначала обнеси, а потом режь.

Это предложение казалось совершеннейшей нелепостью, но Алиса послушно встала и обнесла пирогом всех троих и пирог сам разделился на три части.

— Теперь разрежь его, — сказал Лев, когда она вернулась на свое место с пустым блюдом.

— Это жульничество! — закричал Единорог, пока Алиса сидела перед пустым блюдом с ножом в руке, недоумевая, что ей делать. — Чудовище дало Льву вдвое больше, чем мне.

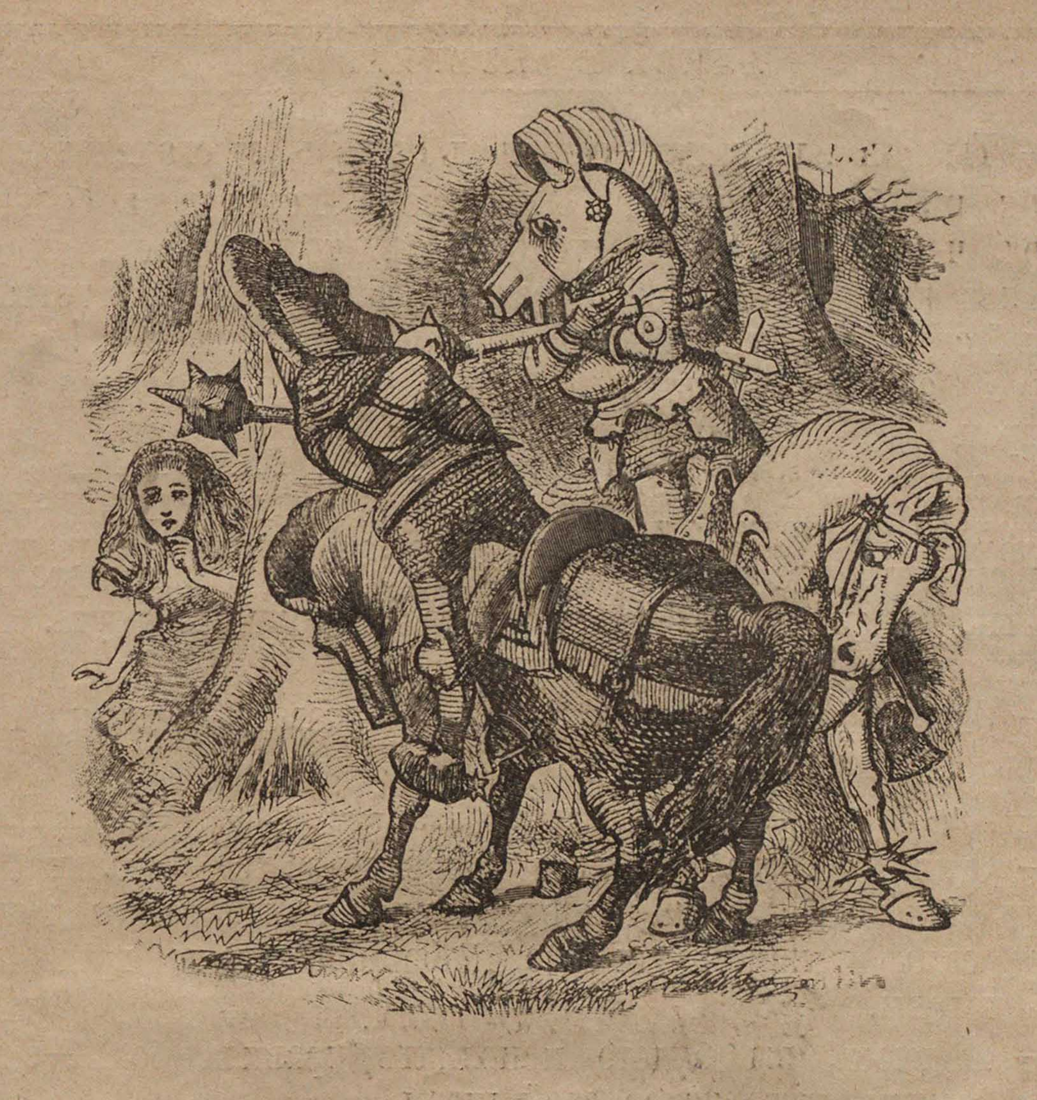
— Однако, себе оно ничего не оставило, — сказал Лев. — Ты любишь пирог со сливами, Чудовище?

Но прежде чем Алиса успела ответить, загрохотали барабаны. Она не могла понять, откуда исходит шум. Казалось, весь воздух наполнился барабанным боем, и грохот этот проник ей внутрь головы. Она думала, что она оглохнет. Алиса вскочила и в страхе прыгнула через ручеек.

Прежде чем она упала на колени и закрыла себе руками уши, она видела, как Единорог и Лев встали, сердитые и недовольные: им помешали, когда они только что засели за пир.

Алисе было жаль их. Она знала, что их сейчас выбарабанят вон из города.

ГЛАВА VIII.

„Это мое собственное изобретение“.

Спустя некоторое время, шум мало-по-малу прекратился и наступила мертвая тишина. Алиса, еще испуганная, подняла голову. Сначала она подумала, что Лев и Единорог приснились ей. Однако, перед нею еще лежало большое блюдо, на котором она пробовала резать пирог со сливами. Значит, это не был сон.

В это время в стороне раздались громкие крики: „Эй! эй! шах!“ — и к ней галопом подъехал рыцарь в черных доспехах, размахивавший перед собой толстой дубинкой. Как только он подъехал к Алисе, лошадь его сразу остановилась.

— Ты моя пленница—закричал Рыцарь, и свалился с коня.

Как ни была удивлена Алиса, она испугалась больше за рыцаря, чем за себя. Она успокоилась только когда он опять взобрался на седло и удобно устроился на нем. Но тотчас же с другой стороны раздался голос, кричавший тоже: „Эй! эй! шах!"— и Алиса обернулась, чтобы посмотреть, что это еще за новый враг.

На сей раз это был Белый Рыцарь. Он подскакал к Алисе и свалился со своего коня точно так же, как упал перед тем Черный. Затем он неуклюже взобрался на своего коня, и некоторое время оба Рыцаря сидели и молча смотрели друг на друга. Алиса с удивлением наблюдала за ними.

— Она моя пленница, вы знаете,—сказал, наконец, Черный Рыцарь.

— Да, но я подъехал и освободил ее,—возразил Белый Рыцарь.

— Отлично. Тогда мы будем драться из-за нее,—сказал Черный Рыцарь и надел себе на голову шлем, который болтался у него сбоку седла и напоминал своэй формой что-то вроде лошадиной головы.

— Надеюсь, вы будете исполнять правила боя?—заметил Белый Рыцарь, тоже надев свой шлем.

— Всегда исполняю!—сказал Черный Рыцарь, и они бросились друг на друга с такой яростью, что Алисе пришлось спрятаться за дерево, чтобы и ей не попало.

— Не понимаю,—сказала она себе,—в чем же заключаются эти правила боя. Одно правило, повидимому, заключается в том, что когда один Рыцарь хлопнет другого, он вышибает его из седла, а если промахнется—вылетает из седла сам. А другое правило у них то, что они держат свои дубинки в руках, как Петрушка и Цыган. Какой шум они производят, когда падают! Будто сто человек ударили кочергами по каминной решетке. А как спокойно стоят их лошади! Они позволяют им валиться с них и взбираться на них, как на столы...

Еще одно правило боя Алиса не заметила. Это правило заключалось в том, что они постоянно падали на голову, и бой кончился тем, что они свалились таким манером один в одну сторону, другой в другую. Когда они поднялись опять, они пожали друг другу руки, а затем Черный Рыцарь сел на коня и ускакал.

— Это была славная победа, правда?—сказал Белый Рыцарь, переводя дух.

— Не знаю,—сказала с сомнением Алиса.—Я не хочу быть ничьей пленницей. Я хочу быть Шахматной Королевой.

— Ты и станешь ею, когда перейдешь через ближайший ручей,—сказал Белый Рыцарь.—Я провожу тебя до выхода из леса, а потом, понимаешь, мне придется вернуться. Дальше мне ведь хода нет.

— Благодарю вас!—сказала Алиса.—Могу я помочь вам скинуть ваш шлем?

Ему, очевидно, трудно было самому освободиться от своего головного убора. Кое-как Алисе удалось вытрясти его из его шлема.

— Ну, теперь стало легче дышать,—сказал Рыцарь, откинув назад свои жидкие волосы, и повернул к Алисе свое симпатичное лицо и большие кроткие глаза. Алиса подумала, что никогда еще в жизни она не видела такого странного воина.

Он был облачен в жестяные латы, которые сидели на нем очень плохо, а к плечам его была прикреплена, перевернутая вверх дном, странной формы рабочая шкатулка. Крышка ее отвалилась и болталась. Алиса смотрела на эту шкатулку с большим любопытством.

— Я вижу, тебе нравится моя шкатулочка,—дружески сказал Рыцарь.—Это мое собственное изобретение. Я держу в ней платье и бутерброды. Ты видишь, я держу ее крышкой книзу, чтобы дождь не попадал.

— Но ведь вещи могут вывалиться,—деликатно заметила Алиса.—Вы знаете, что крышка открылась?

— Нет, я этого не знал,—ответил Рыцарь, и по лицу его пробежало облачко досады.—Так все вещи должны были вывалиться? Тогда и шкатулка ни к чему без вещей.

Он отстегнул шкатулку и хотел уже бросить ее в кусты, но какая-то мысль, повидимому, возникла вдруг у него, и он бережно повесил шкатулку на дерево.

— Можешь угадать, зачем я это сделал?—спросил он Алису.

Алиса покачала головой.

— Я подумал, может быть пчелы совьют себе в ней гнездо, тогда у меня будет мед.

— Но ведь у вас к седлу привязан уже улей или что-то в этом роде,—заметила Алиса.

— Да, это очень хороший улей,—сказал Рыцарь очень недовольным тоном.—Самого лучшего сорта. Но до сих пор ни одна пчела даже близко не подлетела к нему. А другая штука—это мышеловка. Должно быть, мыши отпугивают пчел, или, может быть, пчелы отпугивают мышей. Я не могу разобраться.

— Я не понимаю,—сказала Алиса,—зачем вам на седле мышеловка? Разве на спине у лошади могут водиться мыши?

— Может быть, и не могут,—ответил Рыцарь.—Ну, а если могут? Во всяком случае я вовсе не желаю, чтобы они шмыгали по лошади.

— Понимаешь ли,—прибавил он после паузы,—надо все предусматривать и надо быть готовым ко всему. Вот тоже эти железные кольца с шипами на ногах у лошади. Разве можно без них?

— А на что они?—с великим удивлением спросила Алиса.

— А это защита против акулы, если она вздумает укусить лошадь за ногу,—ответил Рыцарь.—Это мое собственное изобретение. А теперь помоги мне. Я провожу тебя до выхода из леса. Это для чего блюдо?

— Оно было приготовлено для пирога со сливами,—сказала Алиса.

— Мы лучше возьмем его с собой,—сказал Рыцарь.—Оно как раз кстати будет, если мы найдем пирог со сливами. Помоги мне засунуть его в эту сумку.

Это дело заняло не мало времени, хотя Алиса старательно держала сумку широко открытой. Дело в том, что Рыцарь был очень неловок. Два или три раза, пытаясь запихнуть блюдо в сумку, он сам свалился в нее.

— Страшно плотно набита сумка,— сказал он, когда ему наконец удалось запихнуть в нее блюдо.—Там много подсвечников.

И он подвесил сумку к седлу, которое было уже навьючено пучками моркови, утюгами и массою других вещей.

— Ты, конечно, хорошо закрепила свои волосы?—спросил он, когда они, наконец, двинулись.

— Как обыкновенно,—сказала, улыбнувшись, Алиса.

— Этого никак недостаточно,—с беспокойством сказал Рыцарь.—Ты видешь, какой здесь крепкий ветер. Крепкий, как пиво.

— А вы придумали, может быть, способ, как охранить волосы, чтобы их не унесло ветром?— осведомилась Алиса.

— Пока не придумал!— сказал Рыцарь.—Но я придумал средство против выпадения волос.

— Интересно было бы узнать.

— Ты берешь вертикальную палку,—сказал Рыцарь,—и поднимаешь волосы по этой палке вверх, чтобы они вились вокруг нее, как дикий виноград растет, или плющ, видела? Вот и все. Почему волосы падают? Потому что они висят вниз. Наверх вещь ведь упасть не может. Этот способ я сам выдумал. Можешь испробовать его, если хочешь.

Алиса нашла, что это не очень удобный способ, и несколько минут она шла молча, останавливаясь от времени до времени, чтобы поддержать Рыцаря в седле... Положительно, он не был хорошим наездником.

Как только лошадь останавливалась (а она делала это очень часто), Рыцарь валился вперед, через голову лошади. Когда лошадь опять двигалась (а она делала это броском), Рыцарь валился назад, через хвост лошади. Остальное время он сидел в седле довольно крепко, не считая тех случаев, когда он валился вдруг то направо, то налево. Большею частью он валился на ту сторону, с которой

шла Алиса, и Алиса решила на всякий случай держаться немного поодаль.

— Вы, по всей вероятности, мало ездили,—позволила сказать себе Алиса, после того как она помогла Рыцарю подняться в пятый раз.

— Откуда ты это взяла?—сказал Рыц[redacted]резвычайно удивленный и немножко обиженный.—Откуда ты это взяла?

При этом, садясь в седло, он схватился за волосы Алисы, чтобы не свалиться на другую сторону.

— Потому что люди не валятся с лошади так часто, если у них есть привычка к верховой езде,—сказала Алиса.

— Я массу ездил,—важно сказал Рыцарь.—Массу ездил.

— Неужели?—сказала Алиса, и несколько минут они двигались молча.

— Главный секрет в верховой езде,—начал Рыцарь вдруг громким голосом и размахивая правой рукой,—главный секрет верховой езды—это держ...

Предложение кончилось так же внезапно, как началось, и Рыцарь свалился через шею лошади вниз головой прямо почти на Алису. Алиса на этот раз испугалась и, поднимая его, с беспокойством спросила:

— Ничего не сломали себе?

— Ничего такого, о чем стоило бы говорить,—сказал Рыцарь, как будто против того, чтобы сломать себе одну-другую кость, он не имел ничего.

— Главный секрет верховой езды, как я сказал уже,—это держать как следует равновесие. Вот так...

Он отпустил поводья и вытянул руки, чтобы показать Алисе, что он собственно имел в виду—и упал на этот раз на спину, прямо под копыта своего коня.

— Массу ездил,—повторял он все время, пока Алиса хлопотала вокруг него, чтобы поставить его опять на ноги.—Массу ездил.

— Это уж чересчур смешно,— воскликнула Алиса, потеряв терпенье.—Вам надо ездить на деревянной лошадке на колесах,— вот что вам надо.

— А у них ход покойный?—с большим интересом спросил Рыцарь, уцепившись обеими руками за шею своего коня. И хорошо сделал, потому что иначе он упал бы опять.

— У них ход гораздо покойнее, чем у живых лошадей,— ответила Алиса.

Как ни старалась она, она не могла удержаться от того, чтобы не засмеяться.

— Надо будет раздобыть себе такую лошадь,—задумчиво сказал Рыцарь.—Одну или пару.

— Я большой мастер на выдумки,—продолжал Рыцарь, помолчав,—вероятно ты заметила, когда ты в последний раз поднимала меня, что у меня был задумчивый вид?

— Да, вы были немножко серьезный,—сказала Алиса.

— Потому что в эту минуту я как раз изобретал новый способ, как перебраться через забор. Рассказать?

— Расскажите, пожалуйста,—учтиво сказала Алиса.

— Я расскажу тебе, как я до этого дошел,—начал Рыцарь.— Понимаешь, я сказал сам себе: „Все затруднение заключается в ногах. Голова-то до верха забора достает,—а вот ноги"... Так вот: сначала я кладу голову на верх забора—и голова моя значит на должной высоте; потом я становлюсь на голову и наверх поднимаются мои ноги,—значит и они на должной высоте. Понимаешь? И тогда я уже по ту сторону забора.

— Пожалуй, вы очутитесь на той стороне, если вы это проделаете,—сказала Алиса,—но вы не думаете разве, что это будет довольно больно?

— Я еще не пробовал!—серьезно сказал Рыцарь:—так что наверное сказать не могу. Но я боюсь, действительно, немножко будет больно.

Эта мысль так, очевидно, огорчила его, что Алиса поспешила переменить предмет разговора.

— Какой у вас странный шлем,—сказала она.—Это тоже ваше изобретение?

Рыцарь гордо посмотрел на свой шлем, который болтался у него на седле.

— Да,—сказал он,—но я изобрел шлем еще получше этого: как сахарная голова. Когда я падаю в нем с лошади, он прямо упирается острым концом в землю. Так что мне и падать-то приходится самую чуточку. Но тут, конечно, есть другая опасность: я могу упасть в него. Однажды это со мной случилось. И самое неприятное было, что прежде, чем я успел из него вылезти, подъехал другой Белый Рыцарь и надел его себе на голову. Он думал, что это его шлем.

Рыцарь рассказывал это так серьезно, что Алиса не осмелилась засмеяться.

— Так вы, наверно, сделали ему больно,—сказала она,—когда вы очутились у него на голове?

— Конечно, мне пришлось лягнуть его,—сказал серьезно Рыцарь.—И тогда он снял шлем со своей головы. Но прошел почти целый день, пока удалось вытащить меня из шлема. Я вылез из него с молниеносной быстротой.

— Но молниеносная быстрота—это совсем другое,—возразила Алиса.—Какая же это молниеносная быстрота, если вы вылезали почти целый день?

Рыцарь покачал головой.

— Это еще что!—сказал он.—Я могу действовать с любой быстротой, можешь быть уверенной.

Он в возбуждении поднял руки—и тот же час скатился с седла и упал головой в глубокую лужу.

Алиса подбежала к краю лужи, чтобы отыскать его. Она была немножко удивлена его падением, потому что последние полчаса он хорошо сидел, и она боялась, как бы он не расшибся теперь. Однако, хотя из лужи торчали только его подошвы, она быстро успокоилась. Рыцарь продолжал оттуда, из воды, своим обычным тоном:

— С любой быстротой. Но с его стороны было довольно неосторожно надевать себе на голову чужой шлем—да еще с его хозяином внутри.

— Как вы можете говорить так спокойно, когда вы стоите на голове?—сказала Алиса.

Ухватив его за ногу, она вытащила его из лужи, и он распластался мешком на берегу.

Вопрос Алисы удивил Рыцаря.

— А какая разница?—спросил он.—Не все ли равно, в каком положении мое тело? Мозг мой продолжает работать одинаково. И даже—чем ниже у меня голова, тем больше я изобретаю.

— Самое гениальное мое изобретение,—продолжал он, помолчав,—это новый пудинг, и я изобрел его, пока ел жаркое.

— Чтобы его успели приготовить на следующее блюдо?—сказала Алиса.—Да, это действительно быстрота.

— По правде,—задумчиво и тихо сказал Рыцарь,—я думаю, что этот пудинг никогда не был приготовлен, и я не думаю, чтобы

его когда-нибудь приготовили. А это был, однако, чудный пуддинг.

— А как он делается?—спросила Алиса, надеясь подбодрить Рыцаря этим вопросом.

Бедняга, совсем, казалось, упал духом.

— Сначала шла пропускная бумага,—ответил Рыцарь со стоном.

— Мне кажется, это должно быть не очень вкусно...

— Сама по себе она невкусная,—оживленно перебил Рыцарь.— Но ты и понятия не имеешь, какая получается разница, если ее смешать как следует с разными другими вещами—с порохом, например, с сургучем.... А теперь я должен с тобой попрощаться.

Они вышли как раз на опушку леса.

Алиса смотрела на него с недоумением. Она думала о пуддинге.

— Ты грустная,—сказал с беспокойством Рыцарь.—Хочешь, я спою тебе песню, чтобы тебя утешить?

— Длинную?—спросила Алиса, потому что она наслушалась уже в этом день достаточно стихов.

— Она длинная, но очень красивая,—сказал Рыцарь.—Она вызывает у слушателей или слезы, или...

— Или что?—спросила Алиса, потому что Рыцарь вдруг остановился.

— Или не вызывает слез. Ее название „Рыбий глаз".

— Так она называется? Неужели?—сказала Алиса, стараясь проявить интерес.

— Нет, ты не понимаешь,—сказал Рыцать с досадой.—Это ее название так называется. А сама она называется „Старый старичина".

— Ах, так это ее название!—сказала Алиса.

— Да ничего подобного!—воскликнул Рыцарь.—Я же говорю тебе: она только называется так. Название такое имеет. А на самом деле она зовется „Так и этак".

— Ну, хорошо,—сказала Алиса, совершенно уже сбитая с толку,—какая это песня?

— Вот узнаешь сейчас, какая,—сказал Рыцарь.—Я к этому и иду. Настоящее ее заглавие: „Сижу на заборе". А музыку я придумал сам.

С этими словами он остановил лошадь и опустил поводья на ее шею. Медленно отбивая такт одной рукой, он запел. При этом его милое глупое лицо осветилось легкой улыбкой. Ему очень нравилась придуманная им музыка. Алиса уселась под деревом и, заслонив рукою глаза от проникавшего сквозь его ветви солнца, смотрела на певца. Меланхолическая музыка скоро навеяла на нее дремоту.—„Но музыку вовсе не он придумал"— сказала она самой себе: „Это музыка старой песенки". Она слушала очень внимательно, но слезы не показались на ее глазах.

Я все скажу тебе, дружок,
Ты все узнаешь вскоре.
Я видел: старый старичек
Уселся на заборе.
— „Чем ты живешь?.. Кто ты и что?..
Старик, скажи мне это!.."
Но пропустил я в решето
Слова его ответа.

* * *

— „На мотыльков в полях весной
Устраиваю ловлю:
Из них потом я фарш мясной
На пирожки готовлю.
Их морякам я продаю
В их бурные скитанья...
Так,—он сказал,—всю жизнь мою
Ищу я пропитанья".

* * *

Я-ж думал не о нем совсем,
Одной мечтой смущенный:
Как красить бороду и чем
В хороший цвет зеленый?
И не успел я расслыхать
Его ответ смиренный,—
Тогда его я по лбу—хвать:
— „Чем ты живешь, презренный?"

* * *

Но кротко продолжал он речь:
— „Ручьев в горах ищу я,
Когда-ж найду—ручей зажечь
Немедленно спешу я.
Из этой жидкости потом
Готовится помада.
Мне платят грош... Но дело в том,
Что мне не много надо“.

* * *

Но я задумался опять
Упорно и подробно,
Над тем, как можно толстым стать,
Кормясь драченой сдобной.
Я взял зашиворот его
И тряс без остановки:
— „Я жду ответа твоего!..
Оставь свои уловки“.

* * *

И продолжал он свой рассказ:
— „В ночи под лунным светом
Ищу в траве я рыбьих глаз
На пуговки к жилетам.
Их продаю я поутру
За цену небольшую:
За девять штук я грош беру
И этим существую.

* * *

Я булок залежи в песках
Ищу и ямы рою.
И ставлю западни в кустах
Для рыбок я порою...
Вот,—он сказал,—чем я богат...
Прибавлю вам без лести,
Что выпить был бы очень рад
Здоровье вашей чести“.

* * *

Тут удалось расслышать мне
(Я кончил размышленья,
Как мост, прокипятив в вине,
Спасти от разрушенья).
Ему спасибо я сказал
И за рассказ, и вместе
За то, что выпить он желал
Здоровье моей чести.

* * *

С тех пор, когда случайно в клей
Я пальцем попадаю,
Или в башмак, спеша скорей,
Не с той ноги влезаю,
Иль гирей много-фунтовой
Я придавлю мизинец свой—
Я плачу в страшном горе:
Мне вспоминается тогда
Старик, пропавший без следа,
Чья голова, как лунь, седа,
Чья речь журчала, как вода,
Чей взор был ясен, как звезда,
Глаза горели ярче льда,
Кто тихо восклицал—„беда“,
Сгибаясь словно от стыда,

Кто говорил не без труда,
Как будто бы во рту еда,
Кто, словно ворон из гнезда,
Зловеще каркал „никогда!“,
Храпя, как буйвол, иногда,
В давно прошедшие года,
Усевшись на заборе.

С последними словами баллады Рыцарь взял опять в руки поводья и повернул своего коня головою в ту сторону, откуда они приехали.

— Тебе надо пройти только несколько шагов,—сказал он,—спуститься с холма и перейти через этот ручеек—и ты будешь Королевой. Но сначала ты постой и посмотри, пока я отъеду. Я скоро. Ты подожди здесь и помахай мне платком, когда я доеду вон до того поворота. Я думаю, это подбодрит меня.

— С удовольствием!—сказала Алиса.—И благодарю вас за то, что вы проводили меня так далеко. И за песню спасибо вам. Она мне очень понравилась.

— Я так и думал,—сказал Рыцарь с недоверием.—Но ты плакала гораздо меньше, чем я ожидал.

Они попрощались, и рыцарь медленно двинулся обратно в лес.

— Я думаю, мне недолго придется ждать, пока он отъедет,—сказала себе Алиса.—Поехал. Опять головой вниз! Однако, он довольно легко взлез обратно в седло... Это все оттого, что у него столько вещей на лошади навешено.

Упав пять или шесть раз, Рыцарь добрался наконец до поворота. Алиса вытащила свой платочек, помахала им и, когда он скрылся из виду, начала спускаться с холма.

— Я думаю, это подбодрило его,—сказала она себе.—Ну, а теперь мне надо перебраться через последний ручеек—и я Королева. Как это великолепно звучит—Шахматная Королева! Наконец-то Восьмой Ряд,—воскликнула Алиса, и прыгнула через ручей.

Очутившись на том берегу, она бросилась, чтобы передохнуть, на траву, мягкую, как мох, и усеянную там и сям маленькими цветочными клумбами.

— Как я рада, что я наконец добралась. Ай! Что это у меня на голове?—воскликнула она вдруг с испугом. Она подняла руки и опустила их на что-то очень тяжелое, тесно, как кольцо, охватившее ее голову.

— Откуда взялась эта штука на моей голове?—сказала Алиса с удивлением.—Я даже не заметила...

И она сняла тяжелую штуку с головы и положила ее себе на колени, чтобы посмотреть, что это собственно такое.

Это была деревянная корона.

ГЛАВА IX.

Королева Алиса.

— Ну, это замечательно,—сказала Алиса.—Вот уж я не думала, что я так скоро сделаюсь Королевой. И вот что я вам скажу,—продолжала она сурово (она вообще любила читать себе самой нотации):—это для вас совсем не подходящее занятие—валяться на траве. Королева должна держаться с достоинством. Вы этого не знаете?

Она встала и пошла—сначала очень осторожно, потому что она боялась, как бы корона не свалилась с ее головы. Но мысль,

что никто этого не увидит, еслиб даже это случилось, успокоила ее.—И если я действительно Шахматная Королева,—сказала она себе, усевшись опять,—современем я привыкну.

Она видела уже столько странного, что ничуть не удивилась, когда заметила, что по бокам ее сидят Белая и Черная Королевы. Ей собственно хотелось бы спросить их, откуда они взялись, но она боялась, что, пожалуй, задать им этот вопрос будет несовсем вежливо. „Впрочем", подумала она, „спросить, кончилась ли у них игра,—можно".

— Скажите мне, будьте любезны...—начала она, робко взглянув на Черную Королеву.

— Ты будешь говорить, когда тебя спросят!—резко перебила ее Королева.

— Но если бы все придерживались этого правила,—сказала Алиса, которая всегда непрочь была немного поспорить,—никто никогда не открыл бы рта. Если бы все ждали, чтобы заговорить, когда к ним обратятся, так ведь и другие ждали бы обращенья к ним, чтобы заговорить. Что же это было бы?

— Смешно!—воскликнула Королева.—Ты вот лучше скажи, что ты собственно думала, когда ты сказала себе: „Если я действительно Шахматная Королева"? Какое право ты имеешь называть себя Шахматной Королевой? Ты не можешь быть Королевой, пока ты не сдашь экзамена. И чем скорее ты начнешь этот экзамен, тем лучше.

— Я ведь сказала только: „если",—оправдывалась бедная Алиса.

Обе Королевы переглянулись и Черная Королева, пожав плечами, воскликнула:

— Она говорит, что она только сказала: „если"...

— Но она сказала гораздо больше,—промолвила Белая Королева, ломая себе руки. — О, много, много больше.

— Это правда, — сказала Черная Королева, обращаясь к Алисе.—Говори всегда правду. Подумай, прежде чем сказать,— а потом уже напиши.

— Право же, я сказала это не в смысле...—начала Алиса, но Черная Королева с нетерпением оборвала ее:

— Вот то-то и плохо! Ты должна говорить со смыслом! Какой же толк в девочке, которая лишена всякого смысла? Даже шутка должна иметь смысл, а девочка ведь не шутка. Попробуй опровергнуть это. Хоть обеими руками опровергай, ничего не выйдет.

— Я не опровергаю руками,—возразила Алиса.

— Никто и не говорит, что ты опровергаешь,—сказала Черная Королева.—Я сказала: попробуй опровергнуть—ничего не выйдет.

— На нее такой стих нашел,—сказала Белая Королева,—что ей хочется отрицать. А что отрицать—она не знает.

— Упрямый, скверный стих,—сказала Черная Королева. И наступило несколько минут натянутого молчания.

Черная Королева прервала его, сказав Белой Королеве:

— Я вас приглашаю сегодня вечером на обед, который устраивает Алиса.

Белая Королева слабо улыбнулась и сказала:

— А я приглашаю вас.

— Я вовсе не знала, что я устраиваю обед,—сказала Алиса.— Но если я его действительно устраиваю, так это я должна приглашать гостей.

— Мы тебе даем возможность сделать это,—заметила Черная Королева.—Ты, повидимому, взяла немного уроков по части хороших манер.

— Хорошим манерам не обучают на уроках,—сказала Алиса.— На уроках учат сложению и подобным вещам.

— А ты умеешь складывать?—спросила Белая Королева.— Сколько это будет—один да один, да один, да один, да один, да один, да один, да один, да один, да один?

— Не знаю,—сказала Алиса:—я потеряла счет.

— Она не знает сложения!—вмешалась Черная Королева.— А вычитание знаешь? Отними девять из восьми!

— Девять из восьми я не могу вычесть,— быстро ответила Алиса,— но...

— Она не знает вычитания,—сказала Белая Королева.—А деление знаешь? Раздели хлеб ножом, что выйдет?

— Я думаю...—начала Алиса.

Но Черная Королева кончила за нее:

— Бутерброд, конечно. Попробуем другую задачу на вычитание: отними от собаки кость. Что останется?

Алиса думала:

„Кость, конечно, не останется, если я отниму ее. И собака не останется... она встанет, чтобы укусить меня... значит, я тоже не останусь—я убегу“.

— Значит, по-твоему, ничего не останется?—сказала Черная Королева.

— Я думаю, что ничего.

— Неверное решение. Как всегда!—сказала Черная Королева.—Терпение собаки останется.

— Я не совсем понимаю, как...

— Чего ты не понимаешь?—закричала Черная Королева.— Собака потеряет терпение, когда ты будешь отнимать у нее кость, или нет?

— Может быть, потеряет,—осторожно ответила Алиса.

— Ну, стало быть, когда собака убежит, ее терпение останется!—с торжеством воскликнула Королева.

— А вы сами-то знаете арифметику?—сказала Алиса, обратившись вдруг к Белой Королеве.

Королева вздохнула и закрыла глаза.

— Я умею делать сложение,—сказала она,—когда меня не торопят, но вычитание не умею—ни при каких обстоятельствах.

— А азбуку ты знаешь?—спросила Черная Королева.

— Конечно, знаю,—ответила Алиса.

— И я тоже,—прошептала Белая Королева.—Мы часто будем повторять ее вместе, милочка. И я тебе скажу секрет. Я умею

читать слова, когда они из одной буквы. Правда, это замечательно? Но ты не огорчайся. Ты тоже со временем научишься.

— А ответы на полезные вопросы ты знаешь?—начала опять Черная Королева.—Как делается хлеб?

— Это я знаю,—живо воскликнула Алиса.—Начинается с муки.

— Ты делаешь неправильное ударение!—перебила ее Черная Королева.—Надо говорить: не муки́, а му́ки. И му́ка начинается не сначала, а когда хлеб сажают в печку.

— Обмахни ей веером голову!—с беспокойством перебила их Черная Королева.—Ее ударило в жар, оттого что она так много думала.

Обе королевы взялись за работу и стали обмахивать Алису пучками листьев так энергично, что она взмолилась, нельзя ли прекратить это. Она боялась, как бы они совсем не сдули ей с головы волосы.

— Теперь она совсем оправилась,—сказала Черная Королева.—Ты знаешь языки? Как по-французски будет мадам?

— Мадам,—ответила Алиса.

— Ты не переспрашивай,—рассердилась Черная Королева,—а говори. Переспрашивают только глухие.

— Я и не переспрашиваю,—обиделась Алиса:—Я говорю: мадам.

— Надо будет еще проветрить ей голову,—сказала Белая Королева,—но раньше я ей задам еще один вопрос: отчего происходит молния?

— Молния происходит,—сказала Алиса решительно, потому что это она твердо знала,—от грома.... Нет, нет,—поспешно поправилась она.—Я хотела сказать наоборот.

— Нечего уж поправляться,—сказала Черная Королева.—Раз ты что-нибудь сказала—так оно и должно остаться. И ты должна нести все последствия.

— Это напоминает мне,—сказала Белая Королева, опустив глаза и нервно сцепляя и расцепляя свои руки,—грозу, которая прошла у нас в последние вторницу и пятник.

Алиса была удивлена.

— У нас эти дни называются не так,—сказала она.—Мы говорим: вторник и пятницу.

— Все так говорят,—сказала Черная Королева.—Но когда у нас не хватает часов во вторник и мы занимаем, чтобы продлить его, два или три часа у пятницы, естественно получается вторница.

— А когда мы отдаем пятнице занятые у нее часы,—прибавила Белая Королева,—да еще часок лишний прихватим, получается пятник.

Алиса вздохнула и отступилась.

„Все равно у них ничего не поймешь",—подумала она. „Какие-то загадки без отгадок!"

— Ванька-Встанька приходил утром с пробочником,—продолжала тихим голосом Белая Королева.

— Что ему нужно было?—спросила Черная Королева.

— Он хотел войти,—ответила Белая Королева,—потому что он искал гиппопотама. Но сегодня как раз во всем доме ни одного не было.

— А обыкновенно бывают?—с изумлением спросила Алиса.

— Да, только по четвергам,—сказала Королева.

— Я знаю, зачем приходил Ванька-Встанька,—сказала Алиса—он пришел, чтобы наказать рыбку за....

Тут Белая Королева начала опять:

— Это была такая гроза—ты не можешь себе представить. Часть крыши провалилась и в дырку начал валить гром—масса грому—и начал кататься большими кусками по полу. Столы и стулья валятся... Я так испугалась, что не могла вспомнить, как меня зовут.

Алиса подумала, что она никогда не стала бы себе ломать голову и вспоминать свое имя как раз в разгар такого происшествия. Но она не высказала громко свою мысль, боясь задеть бедную Королеву.

— Ты должна простить ее,—сказала Черная Королева Алисе, взяв в свои руки одну из рук Белой Королевы и нежно поглаживая ее.—Она не злая, но она не может по большей части удержаться, чтобы не говорить глупостей.

Белая Королева с робостью смотрела на Алису. Алиса чувствовала, что ей надлежало бы сказать что-нибудь любезное, но она действительно ничего не могла в этот момент придумать.

— Она в сущности не получила хорошего воспитания,—продолжала Черная Королева,—но удивительно прямо, как она добродушна. Погладь ее по голове. Увидишь, как она будет рада.

Но Алисе было боязно попробовать.

— Маленькая любезность—и с нею можно сделать чудеса.

Белая Королева глубоко вздохнула и положила голову на плечо Алисы.

— Мне так спать хочется!—простонала она.

— Она устала, бедняжечка!—сказала Черная Королева.—Погладь ее по головке, одолжи ей свой ночной чепчик и спой ей колыбельную песенку!

— У меня нет с собой ночного чепчика,—сказала Алиса,— и я не знаю ни одной колыбельной песенки. Но по голове я погладить ее могу.

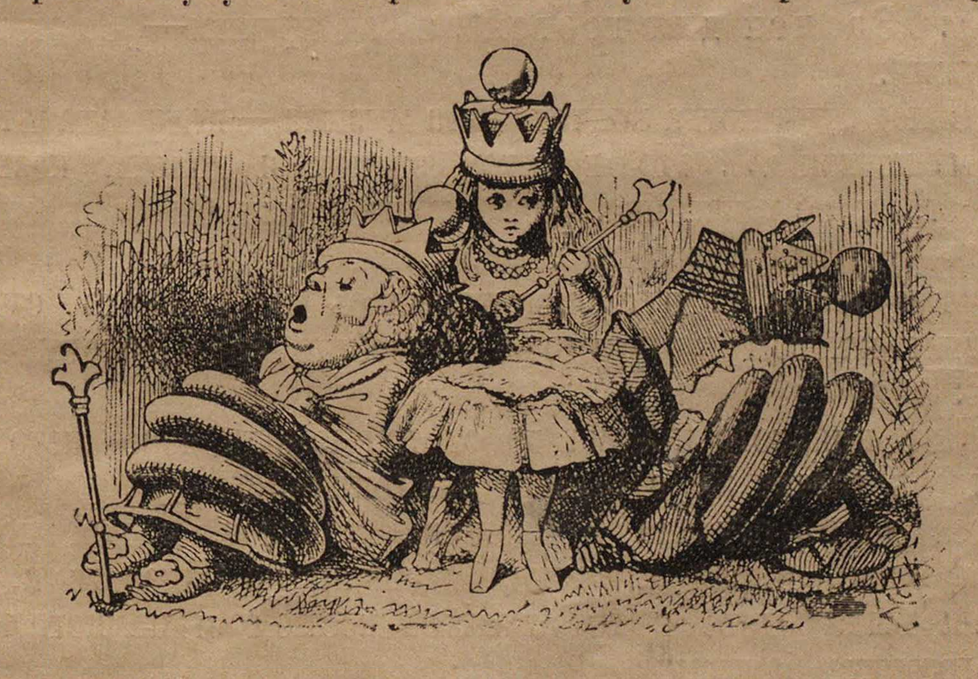
И Алиса нежно провела по голове Белой Королевы.

— Придется, значит, мне самой петь,—сказала Черная Королева и начала:

Королева, баю-бай,
У Алисы засыпай.
Мы до праздника вздремнем
Сладким сном, сладким сном,
А потом на бал пойдем:
Вместе—обе Королевы и Алиса,—все втроем!

— Ну, теперь ты знаешь слова,—прибавила она, опустив голову на другое плечо Алисы.—Спой эту песенку мне: мне тоже что-то захотелось спать.

И через минуту обе Королевы заснули и громко захрапели.

— Что мне теперь делать?—воскликнула Алиса в большом затруднении. Сначала одна круглая голова, потом другая скатились с ее плеч и тяжелыми шарами улеглись у нее на коле-

нях. — „Не думаю, чтобы кому-нибудь приходилось присматривать сразу за двумя королевами. Во всяком случае в истории Англии этого не было, потому что в Англии никогда не было зараз двух королев“.

— Слушайте, проснитесь вы, тяжелые штуки! — воскликнула она нетерпеливо, но в ответ ей раздался только легкий храп.

Храпенье становилось все разборчивее и разборчивее и похоже было скорее на какой-то мотив; под конец Алиса стала даже разбирать слова песенки. И она вслушивалась так внимательно, что даже не заметила, как две тяжелые круглые головы, покоившиеся на ее коленах, исчезли...

Она стояла перед сводчатой дверью, над которой красовалась выведенная крупными буквами надпись: „КОРОЛЕВА АЛИСА“. С каждой стороны этой двери было по звонку. Над одним была табличка: „Звонок для гостей“, а над другим — „Звонок для прислуги“.

— Я подожду, когда кончится эта музыка, — подумала Алиса, — а потом позвоню.... Но в какой звонок я должна позвонить? Я не гость и не служанка. Здесь должен был бы быть еще третий звонок — „для Королевы“.

Но тут дверь вдруг приоткрылась и какое-то существо с длинным клювом высунуло в отверстие свою голову и промолвило:

— Нет никакого приема до от той недели через неделю.

И дверь тотчас же с шумом захлопнулась.

Алиса долго стучала и звонила. Наконец, к ней подошла, ковыляя, очень старая лягушка, сидевшая по близости под деревом. Она была одета в ярко-желтый костюм и на ногах у нее были огромные башмаки.

— В чем дело? — спросила лягушка глубоким хриплым шопотом.

Алиса обернулась, готовая сорвать свою злость на первом попавшемся.

— Где швейцар?—спросила она сердитым голосом.—Он не знает, что он должен отвечать на звонок, когда звонят у парадной двери?

— У какой парадной двери?—протянула лягушка.

Алиса чуть не топнула ногой. Как можно так мямлить и так спокойно относиться, когда творится такое безобразие?

— У этой двери, конечно.

Лягушка долго смотрела на дверь своими большими мутными глазами; потом она подошла поближе к двери и поскребла по ней ногтем своего большого пальца. Словно она хотела убедиться, не отстает ли краска. Наконец, она повернулась к Алисе.

— Отвечать на звонок?—сказала она.—А о чем он спрашивал, звонок-то?

Лягушка говорила таким хриплым голосом, что Алиса с трудом разобрала ее слова.

— Я вас не понимаю!—сказала она.

— Я, кажется, говорю по-английски,—продолжала лягушка.—Или ты оглохла? Я спрашиваю, о чем звонок спрашивал швейцара?

— Ни о чем!—воскликнула с досадой Алиса.—Я вам говорю: я стучала в эту дверь кулаками полчаса, и мне не отпирают.

— Кулаками? Нехорошо... очень нехорошо!—пробормотала лягушка.—Она на это обижается, ты разве не понимаешь?

Алиса взялась за ручку двери и хотела потрясти ее.

— Ты пусти дверь,—прогудела лягушка и заковыляла назад к своему месту под деревом,—ты ее пусти, так и она тебя пустит.

В эту минуту дверь широко распахнулась, и Алиса услышала чей-то тоненький-тоненький голосок:

В Зазеркальи, в Зазеркальи, так Алиса говорит:
— „Я в короне королевской, скипетр мой в руках горит.
Всех причудливых созданий, Зазеркалья странный мир,
Королевы и Алиса созывают всех на пир!“

И сотни голосов подхватили припев:

Наполняйте же стаканы и кладите поскорей
Медных пуговиц на блюда, в кофе—жареных мышей:
Поспешите, поспешите все с приветствием своим:
Трижды тридцать раз Алисе все мы славу прокричим!

Раздался смутный гул поздравлений и Алиса подумала про себя: „Тридцать раз три—девяносто. Неужели кто-нибудь считает?“ На минуту воцарилось молчание, и потом тоненький голос затянул второй куплет:

— „О, созданья Зазеркалья“, так Алиса говорит:
— „Подходите и любуйтесь: честь для вас один мой вид.
Видеть, слышать Королеву—наслажденье вам даст:
А обедать вместе с нами и пить чай—большой почет!“

И опять вступил хор:

Наполняйте же стаканы поскорее, кто чем рад:
Шерсть в вино вы подбавляйте и чернила в лимонад.
Наполняйте же стаканы усладительным питьем—
Девять раз по девяносто все мы славу пропоем!

— Девяносто раз девять,—повторила Алиса в отчаянии.— О, это совершенно невозможно. Они никогда не кончат. Лучше я войду сейчас.

И она сделала шаг вперед, и в ту же минуту наступила мертвая тишина.

Алиса беспокойно посмотрела на стол, когда она вошла в большой зал, и увидела, что за ним сидят душ пятьдесят гостей всякого рода: некоторые гости были животные, некоторые птицы; были среди гостей даже и цветы.

„Это хорошо, что они пришли, не дожидаясь приглашения“,— подумала Алиса.—„Я бы никогда не разобралась, кого из них надо было позвать и кого нет“.

У верхнего конца стола стояло три кресла. Черная и Белая Королевы занимали уже два кресла по бокам стола, но третье, посередине, оставалось свободным. Алиса опустилась в него.

Ей было немножко не по себе в этой мертвой тишине. Хоть бы кто-нибудь поскорее заговорил.

Наконец, Черная Королева открыла рот.

— Ты пропустила суп и рыбу,—сказала она.—Дайте ей окорок.

И слуги поставили на тарелку перед Алисой большую баранью ногу. Алиса смотрела на нее и не знала, как за нее взяться. Ей никогда еще не доводилось резать окорок.

— Ты, кажется, робеешь?—сказала Черная Королева.—Позволь мне познакомить тебя с этим окороком: „Алиса—Баранья нога. Баранья нога—Алиса“. Баранья нога поднялась на блюде и поклонилась Алисе. Алиса ответила на поклон и не знала, как ей быть—испугаться или засмеяться.

— Можно вам положить кусочек?—сказала Алиса, взяв нож и вилку и переводя взор с одной Королевы на другую.—Я сейчас срежу кожу.

— Конечно, нет,—сказала твердым тоном Черная Королева.—У тебя всегда такая привычка? Бросаться с ножом на того, кого тебе только что представили? Уберите окорок.

И слуги сейчас же убрали блюдо с Бараньей Ногой и поставили перед Алисой блюдо с Пуддингом.

— Пожалуйста, не знакомьте меня с Пуддингом,—быстро сказала Алиса,—а то я останусь совсем без обеда.

Но Черная Королева угрюмо посмотрела на нее и пробормотала: „Пуддинг—Алиса. Алиса—Пуддинг“. И слуги убрали блюдо из-под ее носа так быстро, что Алиса даже не успела ответить на поклон Пуддинга.

„Почему, однако“,—подумала Алиса,—„Черная Королева одна здесь может распоряжаться?“

И в виде опыта она сказала:

— Оффициант, принесите Пуддинг обратно.

Пуддинг мгновенно очутился перед ней, как будто из стола вырос, и он стал такой огромный, что у нее от робости забилось сердце, когда она взялась за нож. Тем не менее она кое-как спра-

вилась со своим волнением, отрезала от пудинга кусок и положила его на тарелку, стоявшую перед Черной Королевой.

— Какое нахальство!—сказал Пуддинг.—Воображаю, как бы тебе понравилось, еслиб я отрезал кусок от тебя.

Он говорил густым, жирным голосом. Алиса не нашлась, что ответить. Она сидела молча, смотрела на него и вздыхала.

— Довольно глупо,—сказала Черная Королева,—предоставить вести весь разговор за столом только Пуддингу.

— Вы знаете,—начала Алиса,—я наслушалась сегодня столько стихов...

Как только она открыла рот, наступила мертвая тишина и глаза всех гостей уставились на нее.

— И как странно..... Все эти стихи были так или иначе о рыбах... Почему здесь так интересуются рыбами? Вы не знаете?

Алиса сказала это, обращаясь к Черной Королеве.

— Кстати о рыбах,—сказала Черная Королева, приблизив губы к самому уху Алисы:—Белая Королева знает замечательную загадку—в стихах—насчет рыб. Хочешь, она прочтет?

— Черная Королева,—шепнула Алисе в другое ухо Белая Королева, и голос ее был как воркованье голубя:—Черная Королева очень любезна. Прочесть?

— Пожалуйста!—учтиво ответила Алиса.

Белая Королева засмеялась даже от удовольствия и погладила Алису по щеке.

Потом она начала:

Рыбу надо, во-первых, словить:
Это просто: поймать ее может и малый ребенок.
Во-вторых, надо рыбу купить:
Это просто: за пенни—в любой из соседних лавченок.
В-третьих, рыбу должны вы сварить:
Это просто: в минуту так сварим, что чудо.
И, в четвертых, на блюдо сложить.
Это просто: смотрите—она уж попала на блюдо.
В-пятых, мне ее надо подать.
Это просто: на стол лишь поставить готовое блюдо.
И, в-шестых, надо крышку поднять...

Ах, вот это труднее: ее не поднимешь оттуда.
Крышка к блюду пристала, как клей,
Из-под крышки никак не достать этой рыбы...
Отвечайте же мне: что скорей—
Эту крышку открыть или смысл здесь открыть вы могли бы?

— Ты сначала минуту подумай,—сказала Черная Королева,— а потом угадай. А пока мы выпьем за твое здоровье. Здоровье Королевы Алисы!—воскликнула она во все горло, и гости начали сейчас же пить. Принялись они за это очень странным образом. Некоторые поставили себе свои бокалы на головы, перевернув их, и ловили языком то, что у них стекало по лицу, другие опрокинули графины и пили вино, стекавшее с края стола, третьи (похожие на кенгуру) вскочили на блюдо с жареной бараниной и начали быстро лакать соус.

— Ты должна благодарить гостей,—сказала Алисе Королева.— Скажи им речь и предложи какой-нибудь любезный тост.

— А мы тебя поддержим,—шепнула ей Белая Королева, когда Алиса поднялась.

И обе Королевы уперлись ей с обеих сторон в бока и прижали ее так сильно, что чуть не выдавили ее на воздух.

— Ради Бога, не жмите меня так,—сказала Алиса.

— Молчи!—шепнула ей в ответ Черная Королева.—Мы всегда поддерживаем оратора, когда он принадлежит к нашей партии. Мы обязаны его поддерживать.

— Я поднялась, чтобы поблагодарить всех вас....—начала Алиса. И она действительно поднялась в этот момент,—так сжали ее Королевы. Ей пришлось ухватиться руками за край стола, чтобы не упасть.

— Берегись!—закричала вдруг Белая Королева, схватив обеими руками Алису за волосы.—Сейчас что-то случится.

И, действительно, сейчас же случилось множество самых разнообразных вещей. Свечи вдруг выросли до самого потолка и стали похожи на целую клумбу камышей с фейерверками вместо цветков наверху. Бутылки спешно вооружились каждая двумя тарел-

ками и сделали себе из них крылья. Вилки сделались у них ногами и они разбежались вприпрыжку во все стороны, как большие птицы.

В эту минуту слева рядом с Алисой раздался хриплый смех. Она обернулась, чтобы посмотреть, что случилось с Белой Королевой, но вместо Белой Королевы она увидела на ее кресле Окорок.

— Я здесь!—раздался голос из суповой миски, и Алиса, обернувшись, опять увидела широкое добродушное лицо Белой Королевы, улыбавшееся ей из суповой миски. Через секунду она нырнула и скрылась в супе.

Нельзя было терять ни минуты. Многие гости лежали уже на блюдах, а суповая ложка направилась по столу к Алисе и грозно кивала ей головой, чтобы Алиса посторонилась.

— Я не могу этого больше выдержать!—воскликнула Алиса, отскочила и взялась обеими руками за скатерть. Одна минута— и тарелки, блюда, гости и свечи образовали на полу одну большую кучу.

— А что касается вас...—сказала Алиса, обернувшись к Черной Королеве, которую она считала виновницей всех этих неприятностей.

Но Черной Королевы уже не было на ее месте. Она сократилась вдруг до размера маленькой куколки и весело каталась теперь по столу, постепенно заворачиваясь в собственную шаль, которая волочилась за нею.

В другое время это удивило бы Алису. Но сейчас она была черезчур возбуждена, чтобы чему бы то ни было удивляться.

— Что же касается вас,—продолжала Алиса, схватив это маленькое существо,—я знаю, что я с вами сделаю..... Я вас буду трясти, пока вы не превратитесь в котенка.....

Глава X.

Тряска.

Алиса сняла ее со стола и начала трясти изо всей силы. Черная Королева не сопротивлялась нисколько. Только лицо ее стало все уменьшаться, а глаза ее сделались большими и зелеными. Алиса продолжала трясти ее—вверх-вниз-направо-налево-сильнее-слабее-кругом—и—

ГЛАВА XI.

Пробуждение.

— и действительно у нее в руках был котенок.

ГЛАВА XII.

Кому это снилось.

— Ваше черное величество, не мурлыкайте так громко,— сказала Алиса, протирая глаза и обращаясь к котенку почтительно, но строго.—Вы разбудили меня. А мне снился такой.... ах, такой прелестный сон. И ты была со мной, Китти, все время, пока я была в Зазеркальи. Ты это знаешь?

Это очень неудобная привычка у котят (Алиса как-то это заметила). С чем бы вы к ним ни обратились, они все мурлы-

чат. Неужели они не могут мурлыкать, скажем, вместо „да" и мяукать вместо „нет", ну или как-нибудь там иначе. Можно было бы с ними разговаривать. А то не угодно ли разговаривать с особой, которая отвечает вам всегда одно и то же?

Котенок только замурлыкал и на эти слова Алисы—и совершенно невозможно было догадаться, что собственно хотел он сказать—да или нет?

Алиса разрыла шахматные фигуры на столе и нашла Черную Королеву. С Черной Королевой в одной руке и с котенком в другой она стала на колени на ковре у камина и ткнула их нос к носу, друг с другом.

— Ну, Китти!—воскликнула она, с торжеством хлопая в ладоши.—Признайся теперь, что это ты была Черной Королевой. Ну, посиди, милочка, минуту прямо.... И делай реверансы, пока ты не придумаешь, что отв... что промурлыкать. Это сберегает время—помнишь?

И Алиса подняла Китти и поцеловала ее. Как же, ведь она была Королевой.

— Снежок, мой дусик,—сказала она оглянувшись на белого котенка, который все еще терпеливо подвергался операции облизывания.—Когда же Дина кончит мучить тебя? Вот почему ты был такой замарашкой в моем сне. Дина! Ты знаешь, что ты облизываешь Белую Королеву? Очень непочтительно с твоей стороны.

— А во что же превратилась Дина, не понимаю? Скажи, Дина, это не ты была Ванькой-Встанькой? Ты?

— Кстати, Китти, если бы ты действительно была со мной в моем сне, там была одна вещь, которая бы тебе наверно страшно понравилась бы... Я там столько стихов наслушалась, и все про рыб. Завтра утром у вас будет настоящее представление. Когда вы будете завтракать, я вам прочту „Тюленя и Плотника". И вы сможете вообразить себе, что вы едите устриц на завтрак, дусик.

— Послушай, Китти, чей же это все-таки был сон? Это очень серьезный вопрос, дусик,—и нечего тебе лизать лапку.... словно бы Дина не умыла тебя сегодня утром. Ты понимаешь, Китти,

это ведь был или мой сон или Черного Короля. Он был частью моего сна, конечно, но ведь, тогда и я была частью его сна. Как ты думаешь, Китти, это был сон Черного Короля? Ты была его женой, так ты должна знать, дусик. Ну, Китти, скажи же.... Подождет твоя лапка!

Но Китти, оставив облизывать свою лапку, принялась немедленно за другую и притворилась, будто не слышала вовсе вопроса.

Чей это был сон, как вы думаете?

Июльский вечер на реке...
Скользим мы в легком челноке...
Горят заката краски.
Как любо детям, вижу я,
Внимать, дыханье затая,
Словам волшебной сказки.
Закат тот отсиял давно,
Все отзвучало, все темно,
Июль убит морозом...
Но часто вижу я тайком
Алису в странном мире том,
Доступном только грезам.
И вновь мы по реке скользим...
И вновь вниманьем молодым
Зажглись детишек глазки...
Они готовы—вижу я—
Внимать, дыханье затая,
Словам волшебной сказки.
Мы все в Стране Чудес живем—
В мечтах, в прекрасном сне своем...
Дни гаснут: вянет лето...
Мы-ж все плывем в потоке том,
В сияньи медля золотом...
Но жизнь—не сон ли это?

КОНЕЦ.

